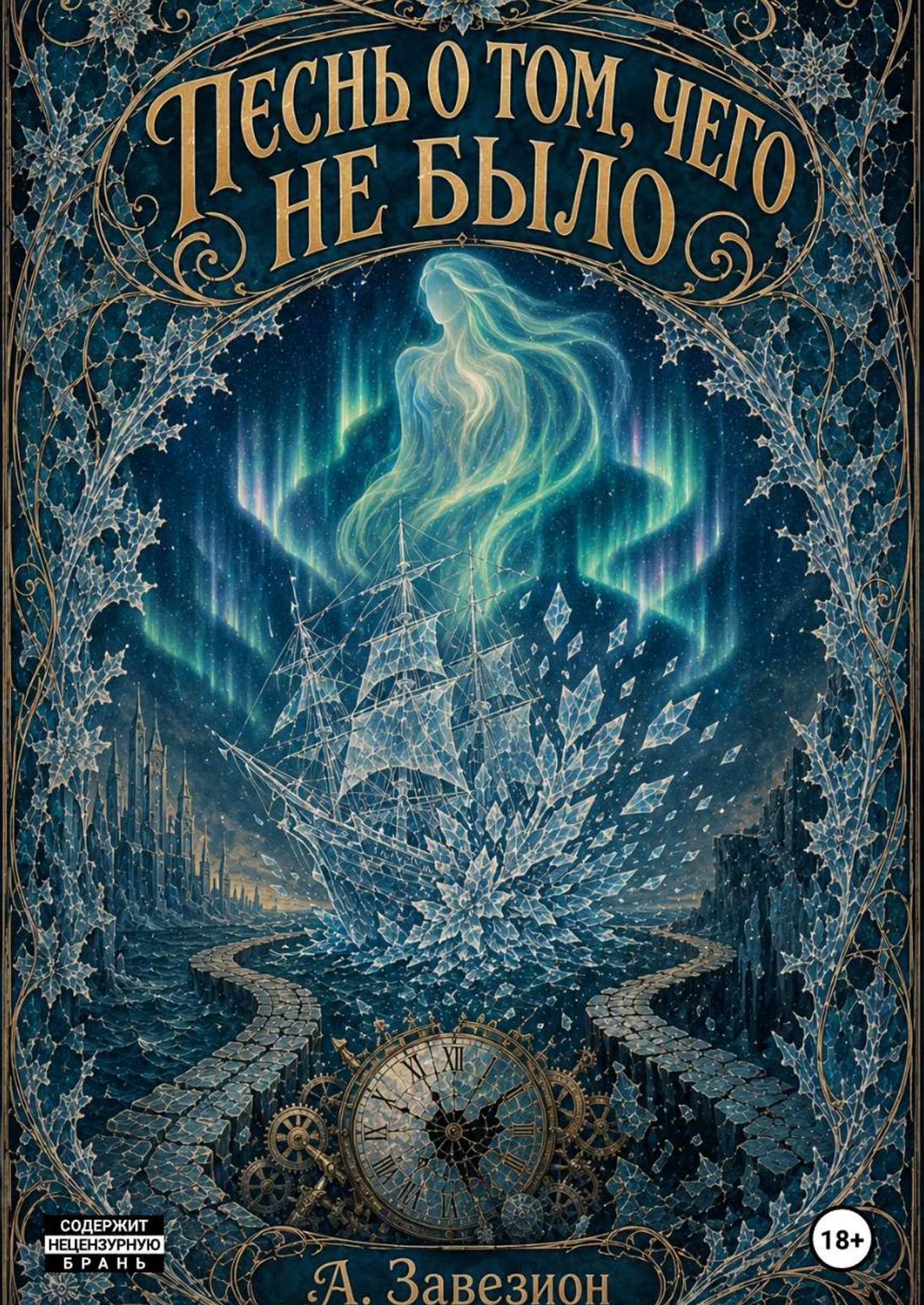

ПЕСНЬ О ТОМ, ЧЕГО НЕ БЫЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А. Завезион

А. Завезион

Песнь о том, чего не было

«Автор»

2026

Завезион А.

Песнь о том, чего не было / А. Завезион — «Автор», 2026

«Я не вывожу эти отношения. Не хочу и не могу с тобой разговаривать. Ключи отправлю завтра курьером. Мои вещи можешь выбросить». Короткое сообщение, перечеркнувшее стабильные и крепкие отношения. Или они только казались крепкими? А её любовь — искренней? Неужели всё так и кончится? Грису нужны были ответы, и он намеревался их получить. На что он точно не рассчитывал — так это на ещё большее число вопросов. А также на квест в умирающем, чуждом и опасном мире. Не его квест. Не его подвиг. И не его история. «Песнь о том, чего не было» — это не та история, которую вы ожидаете, но, возможно, та, что вам необходима. Если вы любите Прагчетта за то, что под юмором — настоящее, и Геймана за то, что боги живут в современном мире — здесь есть и то, и другое. Только боги человечнее, мир умирает по-настоящему, и никто не обещал хорошего конца.

© Завезион А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Читателю	5
Прядь первая	6
Увертюра кошмаров и неправильных ответов	6
Прядь вторая	11
Токката судьбы и ключа	11
Прядь третья	14
Хорал чуждого мира	14
Прядь четвертая	18
Ария гнева и пламени	18
Прядь пятая	21
Рондо очевидных вопросов	21
Прядь шестая	24
Симфония навязанной воли	24
Прядь седьмая	31
Ноктюрн холода и жара	31
Прядь восьмая	33
Интермеццо фальшивой заботы	33
Прядь девятая	35
Интерлюдия пустых разговоров	35
Прядь десятая	37
Гимн соблазна и ревности	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

А. Завезион

Песнь о том, чего не было

Читателю

Это предупреждение — маленький и единственный жест моей отсутствующей доброты. Происходящее не всегда будет иметь смысл. Или вы не всегда сможете его увидеть. Некоторые загадки останутся без ответа. А некоторые ответы покажутся насмешкой. Многое — совсем не то, чем кажется. Прошлое ненадёжно. Настоящее полно обмана. Будущее не определено. Все обещания будут нарушены, кроме первого и последнего, потому что только они имеют значение.

Если вы готовы к тому, что вас будут дразнить, обманывать и временами держать за дурака, — добро пожаловать. И помните: вас предупредили.

Переворачивая страницу, вы подписываете контракт.

Прядь первая

Увертюра кошмаров и неправильных ответов

*Так не ищи во мне святых основ,
Не примеряй мне ангельские маски.
Я — автор собственных грехов,
Актер и зритель этой страшной сказки.*

Знаете, все вот эти до нелепого клишированные истории про избранных героев, могущественные артефакты и большую угрозу непременно для всего человечества? Поздравляю, возможно вас ждет очередная такая «Песнь о Фродо Девятипалом и Кольце Всевластья». Хотя, знаете не могу сказать, что мне по вкусу подобное. Нет, я откровенно люблю творчество Профессора, но его подражатели — это обычно полное «мэээ», не находите? Скучно, топорно и малодушно, потому что в подобные произведения вложено больше самолюбия, чем таланта. Но вам повезло: клянусь, эта история совершенно нелепая, тривиальная и бездушная. Буквально, как некоторые её герои, которые не умеют решать свои проблемы без допинга.

Алкоголь помог. Последние полчаса Грис был сфокусирован на том, чтобы удержать в себе содержимое желудка и не отключиться прямо за столом.

Сегодня он лишний раз убедился в неоспоримом достоинстве водки — она позволяла ему до поры до времени сохранять вполне здравый рассудок, а потом свет его сознания резко тух, а тело продолжало активно общаться о религии, политике и дерьме — трех столпах дискуссии в любой достаточно близкой и достаточно нетрезвой компании.

Позволить подобное поведение он мог себе крайне нечасто, в основном только с теми людьми, которые перед сном гарантированно скормили бы ему порошок, позволяющий быстрее справиться с симптомами алкогольного отравления, и уложили в постель на бок, чтобы он не захлебнулся во сне собственной блевотиной. В общем, с близкими друзьями.

Признаться, в этот раз Грис совсем не планировал провести вечер пятницы подобным образом. Скорее уж за бокалом вина, поедая домашнюю паэлью, говоря о музыке и предвкушая горячий секс на треть ночи.

«Я не вывожу эти отношения. Не хочу и не могу с тобой разговаривать. Ключи отправлю завтра курьером. Мои вещи можешь выбросить».

Если вам кажется, что это самое дурацкое сообщение о расставании, которое вам доводилось видеть, то ваше мнение полностью совпадает с мнением нашего героя. Хотя для Гриса они также были самыми необъяснимыми в его жизни.

Ему казалось Нет, не так. Грис был уверен, что их с Мор отношения абсолютно нормальные. Как и любая другая пара они периодически ссорились из-за мелочей, перебрасывались какими-то обидками, мирились, занимались вещами, которыми обычно занимаются люди, состоящие в романтических отношениях, и строили планы на счастливое совместное будущее. Которого, судя по всему больше не случится

Мор успешно заблокировала все возможные каналы коммуникации, не давая Грису возможности выяснить, какого черта, собственно, произошло. Не удалось выйти на нее и с помощью друзей, а пара ее знакомых вовсе послали его «в дальнее плавание» вполне недвусмысленно.

Если первые пару дней Грис просто ждал, когда же ее тараканы успокоятся, и был абсолютно уверен, что не сегодня, так завтра она встретит его после работы горячим ужином и еще более горячим примирительным сексом, то сейчас, когда с момента получения знаменатель-

ного сообщения прошла почти неделя, его мысли развернулись уже в совсем другую сторону. — Понятно, что этой суке был нужен с бабками и при должности. Спорю, что она нашла себе какого-нибудь мажора и теперь скачет на нем, - Грис опрокинул в себя очередную рюмку и со стуком, который грозился вот-вот перейти в звон разбитого стекла, опустил ее на стойку.

Бармен бросил на мужчину взгляд полный неодобрения. — Друг, я тебе, конечно, сочувствую, но ты с посудой поаккуратнее. Ладно ты, разобьешь — заплатишь, но мне же за тобой потом это все убирать. А то из-за «этой суки» хреново будет не только тебе.

После этих слов последовала небольшая пауза, во время которой на лице бармена мелькнуло выражение, которое, пожалуй, точнее всего можно было бы описать как смесь задумчивости и любопытства. — Я вот даже и не знаю, с одной стороны после твоих слов дико хочется посмотреть на эту гадюку, но с другой — по твоему виду сразу понятно, что это знакомство может обернуться весьма плохо, — тут он наконец обратил внимание на опустевшую рюмку Гриса. — Повторить?

Грис молча кивнул. Бармен ловко перехватил бутылку и снабдил его новой порцией алкоголя. Он уже больше семи лет работал за стойкой, и такие посетители с будто скопированными историями не были чем-то из ряда вон. И тем более не были хоть сколько-нибудь интересны. Всё по классике: «я для неё всё, а она — тварь. И чего ей только не хватало?». Он точно знал, чем закончится сегодняшний вечер для сердечного страдальца. После еще пары другой рюмок парень оплатит счет, не без напоминания, и уедет, еще в такси набирая номер бывшей девушки. Скорее всего, не дозвонится ей, а если и дозвонится, то та его пошлет. Или не пошлет. Но в любом случае, еще примерно полночи горемыка будет наслаждаться стандартным прелестями алкогольного отравления, финальной точкой, которого будет зверское похмелье и, вероятно, приправленное изрядной дозой ненависти к себе.

Время неуклонно приближалось к закрытию, а посетители один за другим покидали бар, кто-то компанией, кто-то парами и в скором времени в зале остались только такие одиночки как Грис. Каждый брошенный барменом взгляд становился все более усталым и менее дружелюбным. В какой-то момент градус доброжелательности упал настолько, что очередную просьбу Гриса повторить он попросту проигнорировал. Мужчина мог бы разозлиться. Он мог бы устроить погром. Вообще, чисто теоретически, в таком состоянии он был способен очень на многое.

Грис встал с барного стула, готовый к демонстрации всех своих возможностей, но не обнаружил среди них ту, что позволила бы ему стоять на ногах, не опираясь на стойку. Сделав шаг вперед, мужчина почувствовал, как пространство утрачивает такую родную и понятную трёхмерность и под силой его головокружения сливается в нечто невообразимое. Грязные плитки пола, тёмно-зелёные стены, отполированная стойка, ряды поблескивающих стеклянных бутылок и люди сливались, перемешивались и превращались в нечто обтекаемое, бесформенное и сюрреалистичное. Нечто такое, что сознание Гриса принимать отказывалось. Мужчина закрыл глаза и сжал зубы, сдерживая рвущийся крик. Наверное, не будь он так пьян, ему было бы страшно до мокрых подштанников, с другой стороны, будь он трезвее, вряд ли нечто подобное вообще имело шанс случиться. Через плотно сомкнутые веки, тусклый красноватый барный свет не пробивался, тьма окутала его бархатом и защитила от накатившей паники. Сбившееся от ужаса дыхание стало ровнее, а в следующий момент колени Гриса подкосились. На пол он рухнул уже в беспамятстве.

* * *

Он чувствовал на своем бедре ее пальцы, а если чуть точнее — ногти. Мор в какой-то мере была заиклена на проявлении кошачьих повадок. Но это было даже хорошо: все эти томные потягивания, легкое прикусывание кожи и царапины, которые и царапинами-то нельзя было назвать, Грис находил очаровательными. И очень сексуальными. Мор любила проводить своими ногтям по его коже в самых неожиданных и откровенных местах. Когда она сделала

это в первый раз Грис поначалу даже занервничал. Ощущения были странными, но при всем желании он не мог бы назвать их неприятными. Нечто неуловимое, пограничное и сложно поддающееся описанию, похожее одновременно на щекотку и поглаживание с легчайшим налетом чувства, которое находилось в шаге от того, чтобы стать болезненным.

Рука Мор медленно скользила вверх, приближаясь к талии и оставляя на белой коже тонкие следы, к которым мгновенно приливалась кровь. На своей шее Грис чувствовал влажное и до обидного ровного дыхания, а по спине бежала иррациональная дрожь от близости ее теплого тела. — Не притворяйся, я вижу, что ты уже не спишь, — легкий шёпот, скользнувший по коже запустил волну мурашек, а рука тут же изменила траекторию и с талии очутилась на животе, а оттуда двинулась вниз, медленно приближаясь к паху. — А здесь у нас кто-то тоже вполне бодр, — в шёпote Мор промелькнула усмешка. Впрочем, Грис это едва заметил, ведь именно в этот момент ее ладонь обхватила его вставший член и начала мучительно медленно двигаться по его стволу.

Вверх-вниз, и снова вверх, а затем опять вниз. Мор не спешила, она, казалось, получала искренне удовольствие от процесса и особенно — контроля. Иногда она останавливалась и медленно проводила пальцами по головке или осторожно массировала яички, заставляя Грису вздрагивать от возбуждения и подавать вперед бёдрами. Удовольствие длилось не так долго, как хотелось бы: буквально через минуту или две, но во всяком случае, гораздо раньше, чем Грис был согласен, девушка остановилась и внезапно укусила его за плечо. Мужчина охнул, от неожиданности, не от боли, которой на самом-то деле и не было. Мор хихикнула и игриво перекатилась на кровати, увеличивая расстояние между ними.

Светлая кожа с задорным румянцем, хитро блестящие глаза бестии и рассыпавшиеся по плечам непослушные волосы — именно так в глазах Грису выглядел соблазн. А томные изгибы обнажённого тела, темные ареолы затвердевших от возбуждения сосков и пухлый рот с губами, изогнувшимся в полуулыбке делали этот соблазн непреодолимым. Сегодня Мор очередной раз продемонстрировала, кто в их постели босс. Когда Грис потянулся и попытался подмять ее под себя, она ловко вывернулась и довольно сильным толчком опрокинула его на спину, мгновение — и вот Мор уже оседлала его бёдра. — Что ты хочешь, чтобы я сделала? — стоит признаться, что у Грису до Мор было довольно много женщин, но этот вопрос он от них слышал нечасто. — Я хочу кончить в твой рот, — он даже особо и не думал. Мор так виртуозно орудовала своим языком и губами, что минет был одним из самых изысканных удовольствий, которые она могла ему подарить. Во всяком случае, без предварительной подготовки и специальных предметов. — Мог бы придумать что-нибудь пооригинальнее.

Тон Мор был картинно разочарованным. Да, будь Грис чуть хуже знаком с ее приемчиками, возможно это его и смутило бы, а так он только улыбнулся, в то время как девушка слегка приподнялась на его бедрах, как будто бы готовая сместиться ниже и приступить к исполнению желания.

Да, от других женщин Грис действительно нечасто слышал вопрос «Что ты хочешь, чтобы я сделала?», поэтому игнорировали они его пожелания гораздо реже, чем Мор. — Ответ на вопрос неправильный, вернее, ты ответил, что хотел бы сделать сам, а не то, что хотел бы, что бы сделала я.

Соображать утром сложно. Соображать лёжа под женщиной, которую сейчас хочешь — сложно вдвойне, а продраться через казуистические формулировки этой женщины в моменте, когда она плавно опускается на твой подрагивающий от возбуждения член — невозможно.

С тех пор, как они перестали использовать резинки, Мор часто выкидывала подобные трюки. Наверное, стоило уже к ним привыкнуть, но для Грису каждый раз был как первый. И вид обнаженной любимой женщины, чья, грудь подрагивает в такт движениям бедер, а лицо не выражает даже толики стыдливости, казалось бы, уже не должен так заводить. Казалось бы

Его хватило секунд на тридцать. — Вот мне интересно, а я когда-нибудь получу, то что хочу? — голос Мор был холоден, как лед и едок, как царская водка. — Господин Минутка, я к тебе обращаюсь? Не хочешь ничего сказать?

От её издевательской улыбки Гриса прошиб холодный пот, а комната поплыла перед глазами. Это было унижительно. Это было больно. Это было жестоко, в конце концов. Он попытался найти слова, что-то ответить, но язык отказывался подчиняться. Горло сдавила обида. Комната тем временем становилась всё более и более размытой. Грис закрыл глаза, чтобы немного успокоиться, а потом открыл их снова.

Он лежал один в темноте своей комнаты. Сна не было ни в одном глазу. Голова трещала, во рту чувствовался отвратительный прогоркло-кислый привкус, а кожу в паху неприятно стягивала холодная, склизкая и уже заметно подсохшая сперма. Время на электронных часах показывало 3:55. И это было совершенно отвратительное начало дня.

Кое-как Грис собрался с силами и встал с кровати, темнота в комнате закружилась, он ухватился за дверцу шкафа, чтобы сохранить равновесие, а потом медленно, опираясь то на достаточно прочную мебель, то на стену, двинулся из спальни по направлению к ванной. Расстояние было смешное, но его преодоление отняло неожиданно много сил. Грис чувствовал себя больным. Уставшим. Одиноким. И грязным. И вот изменить последнее он был вполне способен.

«Лейка тропического душа — лучшее решение этого года» — подумал Грис, когда мягкие струи горячей воды побежали по его лицу. Может быть это было самовнушение, а может ему действительно стало легче. Тут некстати вспомнилось, что Мор имела обыкновение смыть с себя плохое настроение с помощью бесчисленных гелей, скрабов и прочей ароматно-косметической ерунды, назначение которой Грис представлял весьма приблизительно. От нее всегда приятно пахло. И после нее в ванной тоже всегда приятно пахло чем-то сладко-съедобным, но при этом сложно определимым. А сейчас комнату заполнил аромат его геля для душа: нечто абстрактно свежее, навевающее мысли не то о морозном воздухе, не то о чистом унитазе.

Настроение снова испортилось. Грис резко выключил воду, вышел из душа, попытался нащарить рукой полотенце, одновременно смаргивая мешающие видеть капли. Не получилось. И тут он вспомнил, что буквально вчера по привычке бросил использованное полотенце в корзину для грязного белья, а вот о том, чтобы принести в ванную чистое не позаботился. Тут снова некстати подумалось, что будь Мор сейчас здесь, можно было бы попросить принести полотенце ее. Настроение испортилось еще сильнее. Это было просто невыносимо: самые простые вещи пробуждали воспоминания, которые в свою очередь порождали непрошенные мысли. Стоило отвлечься ненадолго, как тут же на глаза попадалась какая-то мелочь: купленная Мор пачка салфеток с уточками, удостоившаяся восхищенного возгласа «Посмотри! Ну, какова же милота!», слегка покосившаяся дверца книжного шкафа, до починки которой у него так и не дошли руки, хотя Мор точно пару раз об этом напоминала, зияющие пустотой вешалки, на которых не так давно висели ее платья

Грис не мог не думать о том, что же заставило девушку так поступить. Если пьяный мозг имел склонность приходить к очевидным ответам, то на трезвую голову думалось совсем уж невесело. Но как ни старался, он так и не сумел назвать причину, на его взгляд, достаточно вескую для расставания.

Обо всём же можно поговорить? Так ведь?

Чистое полотенце в шкафу отсутствовало, что только добавило утру очков отвратительности. На дворе стояла середина июля, поэтому ходить по квартире голым и мокрым было даже немного приятно, но невозможность вытереть волосы, щекотавшие шею и плечи будто щупальца какой-то склизкой морской твари, доставляла дискомфорт. В надежде как-то это исправить Грис натянул первую попавшуюся чистую футболку, на белой ткани мгновенно появились влажные следы. Впрочем, так уже было немного лучше. Следом настал черед белья,

затем носки и джинсы. И вот, он уже выглядит вполне сносно, как раз можно приступать к делам. Грис бросил взгляд в окно и увидев небо золотисто-розового цвета перевел его на часы. Они показывали 4:15. Что ж, видимо, он немного поторопился, дела вполне могут подождать еще часов пять-шесть. На дворе, как никак суббота.

Грису был нужен он. Нет, простите, не туда занесло

Грису была нужна она.

Её звали Рита и она, не моргнув и глазом, поехала с ним. Может быть, свое дело сделала текила, а может он ей действительно понравился. Это, впрочем, было не так важно. Рита была красивой, Рита была свободной и Рита хотела заняться с ним сексом. Идеально, правда? В какой-то момент Грис даже почувствовал прилив возбуждения, нечто такое адреналиновое, когда делаешь что-то совершенно тебе не свойственное. Снимать незнакомок в баре — из этой оперы.

Не успела за ними закрыться дверь, как Рита хищно завладела его губами. Её руки скользнули по его волосам и сжали пряди, теперь при всем желании отстраниться представлялось проблематичным. В отличие от Мор Рита активно использовала язык, скользила им по зубам и деснам, то и дело облизывала его губы и норовила исследовать каждый миллиметр рта. Это было неприятно. Мор приучила его к более сдержанным и в то же время дразнящим поцелуям. Она ненавидела «разводить сырость», зато с упоением использовала свои губы и нередко пускала в ход зубы. После ее долгих и пьянящих поцелуев Грис иногда потом несколько минут не чувствовал свои губы, зато отлично чувствовал кое-что другое. По этой причине, кстати, он активно ограничивал поцелуи в людных местах, не хватало еще будоражить публику недвусмысленным холмом в штанах.

У Риты были довольно острые ногти. Тоже. Грис чувствовал, как на шее расцветают привычные следы. Завтра придется как следует застегнуть рубашку, чтобы избежать излишнего внимания коллег.

Рита не сдерживалась и не строила из себя скромницу. Совсем напротив: начала расстегивать его ремень еще в коридоре, а в спальню они ввалились вовсе практически без одежды. Вечер был горячим, а ночь обещала быть обжигающей и тем не менее

Рита была хороша. Она не дразнила, а весьма прямолинейно стремилась доставить удовольствие. Ее поцелуи спускались все ниже, и Грис не успел оглянуться, как уже теперь он сам впивался пальцами в волосы Риты, управляя движениями ее головы. Минет она делала весьма технично. Возможно, чему-то такому как раз и учат на курсах, о которых ему рассказывали друзья. Всегда, надо признаться с изрядной долей иронии. Что же, Рита явно не была среди отстающих и сосала вполне пристойно. Слегка массировала яички пальцами, иногда посасывала их, одновременно лаская языком, исправно водила руками по стволу, не забывая про легкое сжатие, уделяла достаточно внимания головке, даже как-то попыталась поиграть с крайней плотью. Была даже попытка выйти на более глубокий уровень, но Грис прервал ее. И так все складывалось вполне неплохо. Во всяком случае, в первые пять минут.

Он не смог кончить. А Рита? Рита ушла, не сказав и слова. Просто недоуменно посмотрела на него вместо прощания. А Грис остался на кровати с рухнувшей самооценкой и поникшим членом. И мыслями о Мор.

Прядь вторая

Токката судьбы и ключа

Грис наконец-то нашел его. Три месяца спустя. Свитер. Темно-синий свитер, купленный на распродаже в довесок к двум белым сорочкам, серым брюкам и шелковому сиреневому галстуку с узором из «огурцов». Довольно полезный элемент гардероба, который он благополучно забыл в квартире у Мор. И лучший повод, чтобы заявиться к ней без предупреждения.

Обычно в таких ситуациях люди оправдывают подобные поступки абсолютной незамеченностью или почти сакральным значением этого свитера, футболки или заколки для волос. В принципе, это может быть вообще абсолютно любой предмет, хоть фантик из-под конфеты, который как-то случайно оказывается талисманом, без которого владельца только что ужасная смерть не ждет. Но все же прекрасно понимают, что это только лишь повод. Как и то, что, если отношения закончились, это совсем не означает, что они завершились.

Если у вас уже сложилось некое мнение о Грисе, то сейчас оно, вероятно, изменится в худшую сторону. Он не вернул ключи. Вы же понимаете, что это означает?

Ключ от квартиры Мор выглядел на связке инородно. Тяжелый, старомодный, такой, знаете, с вензелями, сделанный из медного сплава, на котором от времени появились зеленоватые пятна, он идеально подходил по стилю к дверной ручке и смотровому глазку, утопавшему среди металлических дубовых листьев, и выкрашенной в зеленый цвет высокой входной двери. Сама Мор, скорее всего, даже не догадывалась о том, что у Гриса есть или когда-либо вообще был этот ключ. Единственный раз она попросила его забрать из ее квартиры забытую зарядку от ноутбука. Что ж, это он сделал. Мор, помнится, даже поблагодарила его и раздраженно заметила, что производителям давно нужно все их унифицировать. И вот где-то в этот момент Грис подумал, что ключ, в принципе, можно и не возвращать. В конце концов, он ведь может снова понадобится, правда? А Мор была склонна забывать о вещах, которые не считала важными, и про ключ даже не вспомнила. С тех пор прошло больше двух лет, и он наконец-то снова пригодился.

Замок открылся с легким щелчком, и Грис замер перед дверью, не решаясь потянуть за ручку. Ему почти удалось убедить себя в том, что нет ничего предосудительного, чтобы просто зайти в квартиру к своей бывшей девушке и забрать свои вещи. Но вот здесь эта убежденность дала задний ход и сгинула вместе с решимостью. Руки вспотели, Грис нервно шарил глазами по коридору и изо всех сил прислушивался, пытаясь уловить звуки шагов на лестнице. Потенциальные свидетели увидели бы крайне подозрительную картину.

«Середина дня, вторник, наверняка она в университете» — попытался убедить себя Грис и весьма неожиданно это сработало. Выдохнув, он потянул на себя дверь, та открылась абсолютно беззвучно, что было крайне странно для ее почтенного возраста. Прихожая оказалась неожиданно темной, но еще более неожиданным оказалось услышать голоса, доносившиеся из гостиной. Грис готов был развернуться и тихо ретироваться. Если бы не то, что один из голосов абсолютно точно был мужским.

— отложить. Давай просто закажем пиццу и выпьем вина? Если ты правда думаешь, что это что-то решит, даже месяц особой погоды не сделает.

— Но

— Не сделает. А «фарш обратно не провернешь». Так что давай закончим на сегодня. Тебе какую? Сырную?

— Мясную.

— Картошку брать будем?

— Фри?

— Oui, mon cher!

О чем Мор говорила с незнакомцем? Сами понимаете, что определить это буквально по паре расплывчатых фраз было решительно невозможно. Впрочем, это ни разу не остановило Грису от поспешных выводов. Последние привели его в ярость и где-то на язвительном переходе на французский он дернул на себя дверь и предстал перед говорившими.

Мор и ее собеседник одновременно уставились на Грису. Последний еще не успел открыть рот, чтобы исторгнуть из себя Признаюсь, не имею понятия, что же такого собирался изречь Грис, но Мор его опередила. И судя по ее тону, уровень раздражения у нее был немногим ниже.

— Ты здесь вообще какого хрена?! — то ли крикнула, то ли взвизгнула девушка. Ее лицо исказила гримаса, в которой чудесным образом сочетались удивление, любопытство, злость и некая толика презрения. Первая половина спектра ее эмоций отразилась и на лице незнакомца, а Мор тем временем продолжила, не дав Грису и секунды на ответ.

— Мы расстались почти год назад! Как ты вообще попал в квартиру?

«Почти год назад» — эти слова Грису задел. Для него время с их расставания существовало и не существовало одновременно. Пустые и бессмысленные часы текли незаметно, но также тянулись бесконечно. Казалось, что вот только вчера они сидели в их любимом китайском ресторанчике и болтали, поедая нечто труднопроизносимое и чудовищно острое. Но если бы Грису попросили ответить сколько времени он провел без Мор, самым вероятным ответом был бы «вечность». Тем не менее, если ориентироваться на общеупотребимый календарь, прошло что-то около трех месяцев или немногим больше.

— Год назад? Это ты ему так сказала? — зло процедил Грис, кивнув в сторону незнакомца.

— Да, хоть десять! Сути не меняет. Замок взломал? Или дубликат ключа сделал? — Мор не особенно стремилась к тому, чтобы дать бывшему объясниться, а начала сама выдвигать версии.

— Да хоть сквозь дверь прошел! — парировал Грис в том же духе. Он считал, что в этой ситуации у него на крик гораздо больше прав. — Ты, значит, с нами обоими терлась, а потом решила выбрать этого?

И снова кивок в сторону незнакомца. Мужчины Мор нашла себе мужика с лицом голливудской звезды и сложением атлета: породистый, но не слишком крупный нос, выраженные скулы, твердая линия челюсти, которая при этом не создавала подавляюще маскулинной «гигачадности», потрясающие синие глаза, красивая линия рта и шевелюра рок-звезды 80-х — буйная и роскошная. Про тело можно просто промолчать: будь такое у Грису, он бы переехал куда-нибудь к экватору и ходил по улицам в одной набедренной повязке. Поставь их двоих рядом, и станет совершенно очевидно, кто у матери-природы в любимчиках.

— Достопочтенный, вы превратно истолковали ситуацию, — боги, этот человек не только выглядел, но и говорил так, как будто сошел со страницы любовного романа. — Нас с Морвейн не связывают подобные отношения, если вы

— Тэм, просто заткнись и не оправдывайся перед этим. Он тут вообще никто, и единственное, что сейчас должен сделать — свалить, пока полицию не вызвали — она на секунду замолчала и тут же поправилась. — Pardon, не единственное: ключ отдай. Поступи, как все приличные бывшие: просто исчезни к черту. Ладно, можешь наблюдать за мной в соцсетях, на это, так уж и быть, согласна.

На такую реакцию Грис не рассчитывал и в иной раз он, скорее всего, демонстративно бросил Мор в лицо ключи, даром, что на связке был и комплект от его дома, и удалился, гордо подняв голову. Но здесь, мы раскроем вам еще одно обстоятельство, которое также,

вероятно, не улучшит ваше мнение о Грисе. Ему не доставало смелости, чтобы просто так взять и заявиться к бывшей девушке. Поэтому он решил воспользоваться допингом. Помните, где в самом начале мы встретили его? Да, все так. Для того, чтобы побороть страх и неуверенность Грис выпил. Причем в ход пошла сразу тяжелая артиллерия в виде текилы. Принял он на грудь немало, а потому взгляд, который изначально предназначался Мор, немного сместился и выцепил крайне интересный предмет.

Здесь стоит сделать паузу и немного рассказать о квартире и ее хозяйке. Место было довольно приятным: старый дом с высокими потолками и парадным выходом на проспект, Грис никогда не интересовался каким образом его девушке досталась столь роскошная недвижимость, но своим имуществом Мор точно распорядилась с умом. Признаться, практически все время они проводили в квартире у Гриса и последний мог по пальцам посчитать разы, когда он гостил на ее территории. Видимо, по этой причине какого-то впечатления от интерьера не сложилось, мужчина даже сомневался, что смог бы сразу отыскать уборную. Но гостиную, в которой и развернулась настоящая сцена он помнил хорошо. Мор абсолютно точно нельзя было назвать сторонницей минимализма и это находило отражение в обстановке. Высокие потолки украшала лепнина, люстра в центре комнаты сверкала хрустальными подвесками, классические обои в бело-голубую полоску было практически не разглядеть: там, где не висело картин, преимущественно натюрмортов, место было занято книжными полками и витринами с разной степени антикварности безделушками. Огромные окна обрамляли тяжелые шторы из темно-синего бархата, которые чудесно гармонировали с кривоногим диваном в сине-голубую полоску. То тут, то там поблескивали золотистые ручки, замки и кнопки. «Кабинет Амбридж» — подумал Грис, впервые зайдя сюда, и тут же поправил себя: «Если бы она любила синий и обладала умеренностью по части любви к кошкам». Здесь, казалось, тщательно собиралось все милое и очаровательное, до чего только могли дотянуться руки Мор. И в этой комнате точно не было места для здорового старинного меча в потрепанных кожаных ножнах. Однако этот меч здесь определенно был: стоял, небрежно прислоненный к дивану как какой-нибудь зонтик-трость.

Грис так и не смог впоследствии объяснить, что же, кроме совершенно очевидного, заставило его обратить внимание на меч, как не смог и объяснить, что заставило его ринуться вперед и схватить его. Как вы понимаете, объяснений почему он достал его из ножен, как король Артур Эскалибур из камня, тоже ждать бессмысленно.

Если хотите знать мое мнение, то я виню во всем алкоголь. Еще провидение, Создателя, ретроградный Меркурий и человеческую глупость, но главным образом все-таки алкоголь. Хотя для пьяного человека Грис был непростительно проворен: Мор и ее гость не успели даже шага сделать, а он уже держал в своих руках обнаженный меч и с торжеством смотрел на бывшую девушку.

— Я... — начал было Грис.

А в следующее мгновение что-то произошло.

Прядь третья

Хорал чуждого мира

Однажды, еще в пору бесшабашного и безмозглого студенчества Грису довелось попасть в компанию тех, кого, дабы не будоражить умы и не прибегать к словам, запрещенным к печати, мы назовем «творческой молодежью». Впрочем, по большей части все их «творчество» сводилось к изысканию наиболее бездарных способов проведения времени и растрачивания здоровья. В последнем молодым людям крайне успешно помогала фармакология. Скажем так, не самая легальная ее часть. Думаю, что намек достаточно прозрачен, чтобы вы поняли: Грис обладал опытом проживания весьма и весьма странных ощущений. Например, он мог поклясться, что соната 11 си-бемоль мажор Бетховена на вкус, как безе, которое запиваешь коктейлем из абсента и шампанского. Не спрашивайте, как это, просто постарайтесь представить. А лучше — попробуйте живую. И ради бога не пытайтесь проделать подобное с песнями Никки Минаж! Поверьте, они на вкус абсолютно такие же, как и на слух.

Погодите-ка, кажется или мы отвлеклись? Прощения просить не буду, лучше перейду к сути. В этот раз Грису разбудила невероятная странность в ощущениях. Причем какая-то всеобъемлющая и не выражающаяся ни в чем конкретном. Мужчина даже еще не успел открыть глаза, а уже понимал: все не так. Ему казалось, что он будто бы отходит от наркоза: мысли были ленивыми и вялыми, как дождевые черви, корчащиеся в лужах. В груди вместо недавнего коктейля из зависти, досады и ревности разливался холодный склизкий кисель отчужденности, топящий мелкие иголки беспокойства.

Свет, пробивающийся сквозь веки, был другим. Воздух пах по-иному. Не было таких привычных и таких незаметных звуков большого города: шума шуршания шин, рокота моторов, голосов людей, которые органично вливались в общую какофонию, каких-то гудков-звонков и другого непонятного шума. Только едва ощутимый шелест воздуха и биение собственного сердца отделяли его от звенящей тишины. Из привычного была только боль в пояснице.

«Что ж, если я в психушке, то надеюсь, что еда здесь лучше матрасов».

Грис открыл глаза и тут же снова закрыл их, ослепленный яркостью мира вокруг. Он попытался моргнуть несколько раз, чтобы глаза смогли восстановиться, сфокусироваться и все-таки показать нечто ожидаемое и нормальное. Безуспешно. Чем больше он видел, тем больше сознание Грису заполняли паническое непонимание и абсолютное неприятие реальности.

Вопреки первому впечатлению, окружающее пространство не рябило фейерверком красок. Совсем наоборот, вокруг него было спокойно и одновременно удручающе серым. В самом неожиданном проявлении серого, которое он когда-либо видел.

Помещение, в котором он находился, и намеком не напоминало ни квартиру Мор, ни его собственную. Впрочем, оно едва ли напоминало хоть какое-то место, в котором ему доводилось бывать. Серые каменные стены, потолок настолько высокий, что он терялся где-то в полумраке. Это было похоже на внутреннее помещение храма или музея. Только очень неправильного и странного храма или музея. Наверное, так могла выглядеть локация в какой-нибудь довольно высокобюджетной и, надо признать, исключительно стильной RPG в фэнтезийном сеттинге.

«Что за хрень?» — именно эта мысль возникла в голове Грису. Так сказать, всплыла из похмельного мозгового зуда и тумана эмоционального оцепенения, а затем потянула за собой цепочку хоть сколько-нибудь правдоподобных вариантов ответа на этот вопрос.

Панк-концерт в заброшенном соборе? Дорогой бордель для утонченных извращенцев? Тайный бункер иллюминатов или масонов? Элитная психушка для поехавших толкинистов? Галлюцинация после текилы, украшенной чем-то серьезнее табака?

Разумеется, версий у Гриса надумалось поболее, но дальше пошел уж совсем притянутый за уши бред, поэтому не будем компрометировать бедолагу и ограничимся обозначенными. И чуть-чуть оправдаем его: в голове парня кипели будто не мысли, а клубок дешевых спагетти, которые слиплись в единый склизкий и сероватый неаппетитный комок.

Мор.

Имя звякнуло в голове, как серебряная ложечка о край фарфоровой чашки: звонко и отчетливо. Если и искать «аномалию» и источник всей дичи, возникшей в его жизни в последнее время, то все дороги будут вести к ней. Здесь не нужно быть Шерлоком, чтобы собрать такой простой пазл. Она должна, нет, обязана знать «что за хрень» с ним приключилась. Вполне вероятно, что и она сама приложила к этому руку. Квартира Мор. Ее лицо, искаженное злостью. Красивый до отвращения мужик. И меч. Какой-то стремный и непонятный кусок железа, который Грис, как последний идиот, схватил непонятно зачем. Это были его последние воспоминания. И ничего и никого из этих воспоминаний вокруг не наблюдалось, впрочем, стоило осмотреться внимательнее, чтобы окончательно в этом убедиться.

Могу поспорить, что вам даром не нужны все эти подробности. Душа ведь просит действия, правда? Но, увы, здесь балом правит кое-кто другой. И даже не я. Я же всего лишь рассказчик — не автор. Во всяком случае, не на данном этапе. А автору все эти детали показались важными. Почему? Не знаю. Но есть одно предположение. Просто автор — идиот, который все время пытается идти через какие-то дебри, вместо того, чтобы выбрать путь попрямее и покороче. Ладно, довольно нытья. Давайте вернемся в то самое время и в то самое место. Что там у нас дальше?

Нехотя и с характерным похрустыванием Грис поднялся со своего ложа. Оно было слабо похоже на кровать: здоровенная ровная каменная плита из того же материала, что и стены. Да, кровать она ему действительно не напоминала, зато напоминала кое-что другое, скажем так, гораздо менее приятное и сулящее не самое радужное будущее. Впрочем, вряд ли кто-то осквернил бы жертвенный алтарь, кинув на него тонкий матрасик.

Холод каменного пола обжег ноги и немного взбудрил. Он, как и стены, поражал воображение количеством оттенков серого, но здесь неизвестный архитектор решил немного похулиганить и все они переплетались в мелкой мозаике единым замысловатым узором, напоминающим какие-то лабиринты и спирали из завитков и лоз. Странно, но отдельные плиточки совсем не ощущались под ногами, поверхность была гладкой, но абсолютно скользкой. На секунду взгляд Гриса задержался на рисунке. Тот шевельнулся. Грис попытался сморгнуть наваждение, только вот тщетно. Движение не остановилось. Неспешно, но различимо лозы перемещались, сходясь и расходясь в каменном танце и формируя новые узоры. Если вы от такого не начнете внеплановую партию игры «Пол — это лава», то умоляю, обратитесь к психиатру, что-то с вашими реакциями точно не так. А вот у Гриса, несмотря на ряд пагубных привычек с инстинктом самосохранения и соответствующими реакциями проблем не было.

«*Что за удивительный феномен?!*» — воскликнул он, запрыгнув на каменную плиту.

Давайте представим, что ранее вы не встречали здесь ни относительно детальных описаний секса (и не встретите их дальше), ни лексики из разряда «нелитературной», поэтому эта топорная замена гораздо более эмоционально выразительному выражению просто необходима. Прискорбно, но в дальнейшем придется довольно часто прибегать к столь кастрированным и беззубым формулировкам, а то мало ли блюстителей чистоты языка инсульт посетит.

На риторические вопросы Гриса отвечать никто не спешил, впрочем, он тоже теперь не спешил. Покидать свой «алтарь». Пусть последний и выглядел жутковато, но хотя бы сохранял постоянство в плане своего внешнего вида и свойств. Конечно же, нежелание касаться ногами пола весьма ограничивало область исследований, но она все-таки оставалась достаточно значительной.

Вот, к примеру, он наконец обратил внимание на то, откуда же в комнату попадает свет. Мягкий, даже, пожалуй, тусклый он исходил от странных шаров, располагающихся в арочных нишах стен. Внутри них клубилось и переливалось блекло-золотое сияние, Грису оно казалось почти живым и, совсем не «почти» пугающим, будто на него пялились огромные глаза. И так, плюс еще один пункт в копилку вещей, на которые он не хотел сейчас смотреть. Из хорошего: светильников-глаз было всего четыре. Из плохого: того, что можно было рассмотреть осталось совсем немного: только стены, да одинокое окно, терявшееся где-то под потолком. Последнее, надо отметить, не маленькое само по себе, пропускало крайне мало света из-за толстых, причудливо переплетающихся прутьев решетки. Видимо, все-таки версия с психушкой казалась наиболее рабочей. Его запихнули в эту непонятную келью класса «премиум» и накачали чем-то, от чего по полу поползли узоры, а стены Стоп? А что со стенами? На первый взгляд, как и с полом, все было достаточно тривиально — серый камень. А дальше начинались странности. Во-первых, Грис в упор не видел швов, но это, в принципе, приемлемо, учитывая разнообразие отделочных материалов. А вот «во-вторых» ничем рациональным, кроме препаратов не объяснялось. Стоило начать всматриваться, как толщина камня будто становилась более прозрачной, похожей на волну плотного застывшего тумана, за пеленой которого, тем не менее, угадывались очертания. Зеленые, смазанные, будто за стеклом аквариума. Сначала Грис принял их за рисунки или фактуру камня, но приглядевшись понял — это не они. За тонкой пластиной твердого полупрозрачного материала росли самые настоящие растения. На некоторых он даже различил капли воды. Стены буквально были живыми. И заключенными в плен камня. Как и он сам

Грис не знал сколько времени прошло. Для него оно тянулось медленно, как загустевшая, обезвоженная слюна за зубной щеткой, и измерялось не часами или минутами, а совершенными открытиями. С момента пробуждения и до того, как вновь погрузиться в сон он совершил их несколько.

Открытие первое — двери не было. Ну, вероятно, какая-то дверь точно имелась, но, видимо, «психушка» действительно строилась толкинистами для толкинистов, а потому, чтобы ее найти нужно было знать, где и как искать. Впрочем, это не помешало Грису попробовать «mellon», «Алохамора» и «сезам, откройся». Стоит ли говорить, что это не сработало?

Открытие второе — за ним наблюдали, ну, или могли наблюдать. Преодолев свой страх узоров на полу, Грис все-таки смог осмотреть комнату полностью. Одна стена значительно отличалась от других: она не была гладкой и однородной. Казалось, что орнамент пола обрел объем и переполз на стену, где укрупнился и разросся. На лианах распустились бутоны незнакомых цветов и раскрылись крупные мясистые листья, а среди всей этой каменно-растительной феерии был вставлен гладкий овал обсидиана. Просто черная, глубокая пустота, в которой угадывалось его собственное, бледное и перекошенное отражение. Глаз. Без века, без ресницы. Предмет, чье единственное назначение — смотреть. И он точно смотрел.

Третье открытие было самым приятным: в полумраке пряталась небольшая ниша с изысканным фонтанчиком в форме раскрытого цветка, по лепесткам которого в узкий бассейн почти бесшумно стекала вода. На краю стояла пустая металлическая чаша, намекая на то, что воду можно пить, а рядом с ней стоял поднос с фруктами, нарезанным хлебом, сыром и холодным мясом. Грис не отказал себе в удовольствии заглушить едой уже проснувшееся чувство голода. В конце концов, если он до сих пор жив, то вряд ли его собирались отравить. А есть действительно хотелось, тем более с похмелья, а еда выглядела вполне аппетитной, а пахла так вообще божественно. Только вот ее вкуса Грис почему-то совсем не почувствовал.

Логично, что далее должно было последовать еще одно открытие, решавшее еще одну немаловажную физиологическую проблему своевременного опорожнения неких отделов человеческого организма. К сожалению, сделать его у Гриса категорически не получалось. Он обошел всю комнату, облапал все места, до которых только мог дотянуться в поисках скрытых

кнопок, рычагов и Какие там еще механизмы бывают? А, неважно, потому что ничего подобного он так и не нашел. Для проверки он даже несколько раз пытался вслух воззвать к «центру управления». Слова «туалет», «уборная», «нужник», «сортир», «гальюн», «отхожее место» и «горшок» продемонстрировали относительно небедный словарный запас Гриса, но вот никакого эффекта не дали. А зов природы тем временем становился все громче и громче. Надо отдать парню должное: он держался до последнего. Но в итоге все же не выдержал и сделал один из углов комнаты гораздо мокрее и ароматнее. После чего снова забылся беспокойным сном на своем «алтаре».

Грис понятия не имел, сколько длился этот вязкий, неприятный и выматывающий сон, который не принес ни отдыха, ни успокоения, ни ясности. Зато он принес новые события: пробуждение оказалось резким и неестественным. Чья-то сильная рука дернула его за плечо, мгновенно приведя в сидячее положение.

Их было двое, один, чуть более мускулистый, чьи пальцы Грис до сих пор ощущал на своем плече и второй, немного изящнее, стоявший чуть поодаль. Оба одеты в нечто, что Грис за неимением лучшей альтернативы назвал бы комбинезоном, из плотной серо-стальной ткани с мягким шелковым отблеском и золотисто-зелеными лиановидными узорами, вторившими своими изгибами очертаниям мускулатуры. При незнакомцах на первый взгляд не имелось никакого оружия, но это не мешало им выглядеть весьма угрожающе. На лицах, невозмутимых и правильных, будто у оживших статуй, читалось легкое презрение и ни грамма, ни толики интереса, сочувствия или какой-то другой хотя бы условно положительной эмоции.

Тот, что держался в стороне обратился к Грису и у того аж желудок перевернулся от парализующего ужаса. Незнакомец говорил с ним очень приятным немного хриплым низким голосом. На совершенно незнакомом Грису языке. Совершенно незнакомом, не похожем ни на один из тех, что ему доводилось слышать и между тем значение каждого слова было кристально понятным. Позднее, когда Грис попытался описать свои впечатления от первого столкновения с телепатией внятно сделать этого он не смог. Так что мне придется взять эту задачу на себя. Представьте, что значения слов отбросили свое облачение в звуки и сразу попали в ваше сознание. Это не переданный визуальный образ или какая-то ассоциация, даже не некий «автоматический» перевод, которым любят наделять своих попаданцев авторы и уж точно не внезапное мгновенное овладение новым языком. Нечто иное, будто касание двух сознаний, которому не находится названия и не хватает слов для описания ни в одном человеческом языке. Понятно, что я имею в виду? А, ну да ладно, не суть

«Ты пойдешь с нами. Молчи и выполняй приказы».

Предельно ясная инструкция, игнорировать которую было невозможно. Вариант «не повиноваться» Грис даже и рассматривать не стал, просто буркнул едва слышное «да», не сомневаясь, что тюремщики прекрасно его поймут. Он надеялся, нет, на самом деле он был абсолютно уверен, что все пути здесь приведут его к Мор. Пусть и под конвоем.

Прядь четвертая

Ария гнева и пламени

Иррациональная уверенность совсем недолго, впрочем, подпитывала его решимость. Не прошло и минуты, как она улетучилась, как сигаретный дым на шквальном ветру. Коридоры, бесконечные широкие светлые коридоры будто отрисованные художником, а не существующие в реальности, вызывали необъяснимую тревогу. Врожденное любопытство побуждало Грису рассмотреть всё как можно внимательнее, чтобы попытаться хоть чуть-чуть понять это место. Страх же заставлял смотреть только на пол впереди себя. И страх в этой борьбе всё-таки победил. Грис старался не воображать совсем уж жуткие варианты дальнейшего будущего, но получалось плохо. Он любил фантастику во всех ее проявлениях, но, к сожалению, в большинстве историй жители иных миров не отличались дружелюбием в отношении людей. Грис давно понял, что это здание, его камера и все предметы в ней сделаны не людьми, а после «знакомства» со своими конвоирами только убедился в этом. Правда вот, что делать с этим знанием он понятия не имел. На секунду в светлую, в кои-то веки незамутненную алкоголем и его последствиями голову пришла идея. К несчастью — дурацкая: попробовать сбежать. К счастью — Грис всё-таки оказался не таким безнадежным идиотом, чтобы попытаться ее реализовать. Вместо этого он решил занять свою голову другими мыслями. О Мор. Где она? Что с ней? Его, наверное, ведут к ней? Может быть, она напугана или ей нужна помощь?

А вы другого от него ожидали? Признаться, хотелось бы оставить Грису хоть какие-то крохи адекватности, но не все желания в нашей жизни исполняются. Просто представьте, что, находясь непонятно где, не понятно на каких условиях и не имея никаких соображений о своем даже самом ближайшем будущем человек думает о своей бывшей. Ну, дно же? И если вам показалось, что на протяжении тех часов или дней, которые Грис провел в камере в одиночестве, он был озабочен исключительно вопросами выживания и изучения «Нового дивного мира», то сходите к окулисту — ваша близорукость мешает вам увидеть психа. Конечно, это будет крайне предвзятое суждение, но я считаю Грису психом, ну, или по меньшей мере глубоким безнадежным идиотом, связываться с которым было совершенно отвратительным решением.

Долго ли, коротко ли... Или как там принято говорить в этой вашей фантастике? Они добрались до «цели», где будто бы только их и ждали.

Проход открылся также внезапно, как и в его камере, но вот раскинувшееся зрелище оказалось куда более грандиозным и необычным. Грис бы точно оценил свод такой высоты, что изысканное переплетение ветвей древоколонн терялось в легкой дымке яркого солнечного света, лившегося через купол, который казалось был сделан из перламутрового полупрозрачного стекла. Оценил танцующие на белом холодном камне удивительно живые бледно-золотые узоры. Оценил бы отстраненную иномирную красоту существ, присутствовавших в этом зале в каком-то неисчислимом количестве. Оценил бы и огромный бассейн, сделанный будто из белого опала, с кристально чистой водой и изящными скульптурами, застывшими на бортике. На самом деле, в этом месте было много восхитительно красивого и поразительно интересного, но увидеть всё это Грису помешал один «нюанс». Даю вам одну попытку, чтобы угадать какой именно. Да-да, в центре того самого бассейна, одетая в нечто, напоминающее тунику из множества тончайших цепей, который, как можно догадаться, были не в состоянии надежно прикрыть хоть сколько-нибудь значительную часть обнаженной плоти, по колено в воде стояла и ехидно улыбалась Мор.

В это трудно поверить, но придется: это выражение лица не предназначалось Грису. Представьте себе, мир перестает вдруг вращаться вокруг этого «героя». Удивительно, да? Но

так как далее будут происходить события, смысл которых я понимаю, а вы и Грис — нет, придется ненадолго отложить смену протагониста и ещё раз взглянуть на происходящее глазами «чужака».

Мор заметила его. Её улыбка дрогнула, рука взметнулась к лицу, после чего девушка издала несколько всхлипывающих звуков. Плачет? Грис даже додумать эту короткую мысль не успел, как всхлипывания сменились заливистым, оглушающим гоготом искреннего веселья. Где-то на краю затопленного обидой сознания мужчина отметил, что окружающих её смех взволновал и поверг в недоумение. Эти «люди» осторожно переглядывались, будто спрашивая друг у друга, что происходит. «Говорят без слов» — сообразил Грис. Впрочем, это соображение не несло хоть сколько-нибудь пользы: с ним своими мыслями никто делиться не собирался. А Мор между тем, продолжала заливаться смехом, держась за живот и почти задыхаясь, на покрасневшихся щеках девушки уже блестели слёзы, но она никак не могла остановиться. Толпа безмолвствовала и не предпринимала абсолютно никаких действий, чтобы её успокоить. Несколько минут спустя смех всё-таки иссяк, после чего Мор, наконец, выпрямилась и с кривой ухмылкой полной презрения посмотрела на одного из мужчин в толпе, после чего произнесла что-то на неизвестном Грису языке.

Здесь, конечно же, стоило бы привести фразы каждой из сторон диалога, но Грис не обладал ни языковым чутьём, ни исключительно хорошей памятью, поэтому для него это выглядело примерно так: Мор произносит какое-то странное сочетание со множеством певучих гласных, человек из толпы отвечает ей более коротким или длинным, но всё таким же лишенным для Гриса смыслом, сочетанием. Далее схема повторялась несколько раз, потом в разговор вклинилось ещё несколько участников, отчего Грис мгновенно потерялся в том, кто кому отвечает. Ему хотелось заорать, чтобы они наконец заткнулись и обратили на него внимание, но здоровая человеческая осмотрительность предостерегала от подобных рискованных поступков. Тем более, что очень быстро эмоциональный разговор сменился, во всяком случае, у Мор градус веселья снизился очень значительно. Теперь ехидная ухмылка оказалась на грани того, что любой зоолог назвал бы злобным оскалом. В её речи больше не было насмешки, мелодичной текучести и лёгкости. Голос звучал как хлыст, каждая фраза — удар, рассекающий воздух, каждое слово — плевок яда в лицо. Хищник, охваченный гневом неизвестной природы, готовый напасть при любой возможности.

Грис не понимал, что происходит, но что-то точно происходило, постепенно, будто давая разуму привыкнуть к изменяющейся реальности, но неотвратимо. У окружающего пространства будто слетели настройки контрастности и яркости, сделав цвета просто невыносимыми для человеческих глаз, воздух казался плотным и будто находящимся в шаге от того, чтобы стать жидкостью. Просто чтобы дышать приходилось прикладывать просто чудовищные усилия, но кислорода всё равно не хватало. В глазах буквально рябило от цвета и удушья, но каким-то образом он продолжал видеть, сконцентрировав всё своё внимание на ней. На Мор.

Она рычала и металась в бассейне, неистовая и скованная невидимыми узами. Она кричала, злобно, надрывно и отчаянно. И в этом крике неожиданно для себя Грис услышал знакомые слова. Грязные, очень грязные и очень витиеватые ругательства, на английском, французском, русском, немецком и, скорее всего, были и другие, но с ними Грису сталкиваться не приходилось. Впрочем, насчет французского он тоже не был уверен: это мог быть и испанский, и португальский — «дерьмо» на них звучит уж очень похоже. Тем не менее, важен не язык — важна суть. Мор сыпала проклятиями и угрозами, используя все доступные ей словесные средства. Но в какой-то миг её речь перестала быть членораздельной и перешла в отчаянный вопль ярости. На лице отразилась целая буря эмоций, главной из которых было абсолютное неверие в возможность происходящего. На поверхности воды возникло несколько язычков пламени. Нет, своим появлением они уже не могли удивить Гриса, а вот испугать — очень даже. Пламя становилось всё выше, всё ярче и красочнее, оно полыхало радугой и золотом, но танец выда-

вал в нем огненную природу. Мор кричала. Всё отчаяннее, всё яростнее. Грис с криком метнулся к ней, не потому что понимал, что происходит, и знал, как это остановить. Он просто не мог стоять на месте, когда огонь пожирал женщину, которую он любил. Но сделав всего пару шагов, его стопы будто вросли в пол, не давая достичь бассейна. Опустив глаза, он обнаружил, что лозы узора вспучились из камня и обвилились вокруг ног до самого колена и застыли, совершенно утратив какое-либо подобие жизни. Он дергался, кричал, угрожал и пытался разбить каменные оковы. Тщетно. А Мор продолжала кричать. Скоро пламя захлестнуло её, полностью скрыв собой. Остался только столб неукротимой полыхающей радуги. Голос Мор затих, а Грис...? Грис погрузился во тьму.

Прядь пятая

Рондо очевидных вопросов

Рядом кто-то ворчал, совершенно неразборчиво и, вроде как, снова на каком-то непонятном языке. А Грис Он просто не хотел открывать глаза: в последнее время это действие ни к чему хорошему не приводило и вряд ли этот раз чем-то выделится. А так так можно было делать вид, что все произошедшее — это просто сон под виски и антидепрессантами, они, знаете ли, бывают очень красочными и яркими. Грис прокручивал в голове раз за разом, как он встанет со своей собственной постели, окинет оценивающим взглядом комнату, в которой непременно будет отвратительный бардак, вызовет клининг, приведет себя в порядок, купит букет и пойдет к Мор, чтобы помириться. Красные розы, да, он точно планировал купить красные розы. Боги, как пошло и банально. Это же надо за пять лет отношений не узнать, что любимые цветы «любви всей твоей жизни» — маки...

— Ты долго еще планируешь делать вид, что спишь?

Этот голос, совсем негромкий и усталый, прозвучал, как набат и заставил Грису подскокить с постели и впериться взглядом в говорившего. Говорившую.

Мор выглядела вполне живой и здоровой, что в корне противоречило всему увиденному ранее. И она, в отличие от Гриса, очень органично смотрелась среди всего этого иномирного великолепия в светло-золотом платье, тихонько позвякивавшем бахромой из сотен мельчайших кристаллов. Волосы казались короче, чем он помнил, чуть длиннее плеч, хотя раньше опускались ниже лопаток. Он вспомнил, как ему нравилось смотреть на рассыпавшиеся по обнаженной спине волосы Мор. Шелк на шелке. Темно-коричневый на молочно-бежевом. Одновременно так невинно, и так сексуально

— И чего вылупился? Хоть кивни, если тебе мозги не отшибло.

Все такой же усталый и спокойный голос, но Грис явно уловил в нем раздражение, похожее на то, что проскальзывало, когда она спотыкалась об оставленную на полу чашку, на дне которой еще плескались остатки чая.

Грис кивнул, более того, сумел выдавить из себя целых два слова.

— Ты жива?

Мор, впрочем, его успехи не впечатлили. Вообще, по ее виду было понятно, что этот человек в этом и любом другом мире произвести на нее впечатление не способен. Да, и давайте приоткрою завесу тайны: впечатлить ее — это сама по себе задача со звездочкой для кого и чего бы то ни было.

— Мне обязательно отвечать на очевидные вопросы? Может быть, придумаешь по-конструктивней, а? Или ты опять под чем-то?

Грис так энергично замотал головой, что будь он действительно под чем-то его бы вырвало. Он попытался сформулировать хотя бы один из множества вопросов, которые одолевали его в последнее время, но мысли скакали, как разъяренные блохи и облекались в слова с огромным трудом.

— Где мы? Что это было? Огонь и С тобой все в порядке? Это место Эти люди Что вообще Просто поток сознания, а вернее — его отсутствия.

— Ладно, — Мор ухмыльнулась, почти даже дружелюбно. — С этим, пожалуй, уже можно что-то делать.

Сейчас будет инфодамп, так что можете уже плевать. Да-да, знаете ли, когда человек задает пусть и сумбурные, но вполне конкретные вопросы, которые у него, напоминая, выпросили, ответить ему — базовая вежливость. Моя задача — рассказать, как было дело и если

вместо пространной экскурсии с местным гидом и погружения в культуру и историю через обучение в местной академии для попаданцев или изучение манускриптов, просто состоялась содержательная беседа, то какие вообще проблемы?

— Сейчас мы буквально поиграем в «Где? Что? Когда?». Правила игры элементарные: я — говорю, ты — молчишь. Дополнительные вопросы после завершения первого тура. Смекаешь?

Грис растерянно закивал. Он вообще не уловил момента, когда настроение Мор вдруг превратилось в игривое. Это заставляло волосы на затылке шевелиться.

— Чудненько, — она хлопнула в ладоши, изображая радостный энтузиазм. — Итак. Где же мы находимся? В том месте, куда лично я попасть не хотела ни при каких условиях. Что там у нас дальше? Точно! «Что?». Наверное, ты хотел узнать, что за дичь тут творится? Котик, все очень просто — меня против воли подписали на то, чем я бы ни при каких условиях заниматься не хотела.

Ее голос становился все слаще, а тон — ласковее. Весь ее вид излучал дружелюбие, но всезнающая лимбическая система Гриси, та самая, которая за «бей, беги, замри» вопила об опасности. Бить — не вариант. Бежать? А куда бежать-то? Вариантов не осталось и Грис «замер», ожидая ответа на «Когда?».

— А когда эта фигня закончится, и мы попадем домой, то есть, я попаду домой, — в душе не чаю.

Теперь ее голос буквально звенел от сдерживаемой ярости.

— Хочешь еще один ответ на вопрос? Бонус, так сказать. А вопрос у нас — «Кто?», вернее, «Кто виноват во всем произошедшем?», есть догадки, милый?

Грис сжался, боясь даже слово произнести.

— Как же так, зайчик? Совсем нет идей?

Грис молчал, хотя пылающий гневом взгляд Мор пытался вытянуть у него ответ. Ну, или хотя бы душу.

— Что, псина? Не догадываешься по чьей вине и пьяной лавочке я оказалась в этой заднице?

Она отвесила ему звонкую, обидную, но удивительно безболезненную пощечину и тут же отдернула руку, будто обжегшись. На собственную слегка покрасневшую ладонь она смотрела со смесью удивления и сомнения.

— А ведь и правда полегчало

Вспышка гнева сменилась уже знакомой усталостью с нотками обреченности и смирения.

— Мы в землях Авалаша. Ты о них читал, или хотя бы слышал: «Авалон», «Остров яблоч», «Острова Блаженных», «Стеклянный остров» — там еще пару десятков известных вариантов. Местный — Авалаш-этиру, что буквально переводится, как земли или владения Авалаша. Хороший климат, идеальная экология, еда — отпад, но вот народ — те еще мразоты.

Она говорила, как дешевый гид на своей последней за день экскурсии: спокойно, сухо и с абсолютным безразличием в голосе.

— А случилось вот что: у меня в квартире ты схватил меч, на кой хрен он тебе только понадобился, и таким образом активировал портал, который предназначался для возвращения Тэмлина. Ноль процентов понимания, миллион процентов осуждения. Портал — вещь стабильно непредсказуемая, обычно Тэм активировал его где-нибудь в глуши, где только что пару одуванчиков и воробьев затянуть при переходе может. А ты сделал это прямо в моей квартире, чтоб тебя, когда мы находились друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Как итог — мы здесь и непонятно, когда отсюда выберемся, особенно с учетом последних событий.

— Последних событий? — не удержавшись, подал голос Грис.

— Дивный перформанс, невольным свидетелем которого ты оказался: огонь, свет, дева в цепях

— В цепях?!

Удивление Гриса стало для Мор неожиданностью.

— А ты не заметил? — спросила она, дернув бровью. — На мне, кроме этих цепей, и не было ничего. Ну, да черт с ним. Не заметил и не заметил. В общем — это было наложение ритуального запрета, в моем случае — трех.

Вам обещали инфодамп? Получите — распишитесь. Честно, нет ни малейшего желания расписывать здесь ответы на все тупые вопросы, которые умудрился задать Грис. Тем более, что большинство ответов на них он не запомнил. Вы заслуживаете лучшего: не просто инфодампа, а взгляда глазами того, кто действительно понимал, что же происходит. К счастью, здесь присутствует кое-кто подходящий.

Прядь шестая

Симфония навязанной воли

Это кончилось плохо. Но гораздо хуже, чем я могла бы предположить. «Ранимая душа», «романтик», «идеалист» — какими там еще словами описывают диванных нытиков, неспособных взять ответственность за свою жизнь? Самое обидное, что они, как гниющая с середины луковица — пока поймешь, что внутри, уже загубишь блюдо. Но знаете, одно дело испоганить отношения, а совсем другое — жизнь. Такого масштаба я, откровенно говоря, не ожидала.

Тэмлин обычно навещал меня всего пару раз в десятилетие, если не реже. Его посещения носили маску простых дружеских визитов: узнать, как дела, посмотреть вышедшие сериальчики, перекантоваться пару дней в моей гостевой спальне и насладиться благами современной человеческой цивилизации. За мной весьма очевидно «присматривали», но выглядело это совсем невинно и, признаться, хлопот-то никаких не доставляло. Конечно, сейчас я смотрю на это несколько по-другому, но не зря же у людей есть выражение про розовые очки, которые бьются стеклами внутрь. Но этот последний его визит ничем не выдавал то, что он последний. Честно. Все ровно как обычно: походы по местным кафешкам, в этот раз он, кстати, впервые столкнулся с тем, что еда тоже стала трендом, пересмотрели хорошие фильмы, коих за последние шесть лет он пропустил не так уж много, поиграли в падл, опробовали последний плейстейшн, которому вот-вот должна была выйти замена. Короче, мы проводили время весьма неплохо. Боги, храните XXI век, научно-технический прогресс и права женщин, благодаря которым у меня наконец-то решился денежный вопрос. Последнюю четверть века я откровенно наслаждалась жизнью, не безоблачной, конечно, но почти полностью меня устраивавшей. Иногда она была настолько безмятежной, особенно в периоды между визитами Тэма, что у меня возникало непреодолимое желание найти приключения на свой зад. Обычно эти приключения являлись короткими бесплодными романами с персонажами разной степени никчемности. Вообще-то, нет, я никогда не пыталась намеренно выбрать «мусор», просто «интересные», «творческие», «бунтующие», «непокорные» и «особенные» на поверку оказывались именно им. Ну, у меня хреновый вкус на людей, что поделать? Грешна — каюсь: наш род так плохо обучаем, что я и за целую вечность, по меркам homo sapiens конечно, не научилась разбираться в людях и формировать достойное окружение. К счастью, мои «приключения» заканчивались быстро и без последствий, но, как вы уже поняли, не в этот раз. Да, я как всегда выбрала «мусор», правда на сей раз это оказался удивительно приставучий «мусор». Уверенность, что все дела с Грисом завершены окончательно и бесповоротно, сыграла со мной злую шутку. Верите, нет ли, но, говоря, что «мы расстались почти год назад», я ни на секунду не кривила душой или что у меня там вместо нее. В моей голове это так и было, более того, все произошедшее уже успело перейти в категорию «глубокой старины», а потому я напрочь не могла вспомнить по какой именно причине мы расстались. Нет, дело не в том, что причин не имелось. Я сказала ровно то, что хотела: причин была целая куча, но какая конкретно стала «соломинкой, переломившей спину верблюду» отношений? Вообще понятия не имею, равно как и не имею понятия о том, каким образом у него оказался ключ от моей квартиры и почему он схватил этот проклятый меч. Мне кажется, что подобные детали стоит уточнять не у меня, а сами знаете у кого. Что я думаю по этому поводу? Тут все просто: я об этом думать не собираюсь. На повестке гораздо более срочные и актуальные вопросы. Привести пример? Ну, мой персональный «квест» и три гийясса, чтоб они все катились в бездну. Сейчас, наверное, самое время рассказать о них подробнее. Вам же именно это интересно? Можете не скрывать.

Портал перенес нас в самое сердце Авалаша, Стекланный град Данну, где много веков назад Праматерь сотворила всех ши-о-даннар. Простите, забыла, что вы не в теме. «Ши-о-даннар» — это буквально «жизнь данная Данну», т.е. народ, племя, вид, существа, сами там выберите, что больше нравится. Несложно догадаться, что я сама из ши-о-даннар, так сказать, «чистопородная кобылка», сотворенная непосредственно Праматерью Данну, поэтому меч вернул меня буквально на историческую родину. Которую я так-то более на своем веку видеть не планировала.

Разумеется, как и любое перемещение через слабо выраженное Сопряжение, наш переход не был легким, честно говоря, даже не представляю, как надолго нам вышибло сознание, но этого времени вполне хватило, чтобы «абorigены» смогли обезопасить себя от моего гнева. Я очнулась в одном из роскошных чертогов для Сотворенных. Как я это поняла? А попробовали бы эти черти поместить меня в покои, несоответствующие статусу! Я вас умоляю Зачем провоцировать без повода, когда им это ничего не стоит? Хотя, знаете, я бы на их месте оторвалась и запихнула меня в какую-нибудь каморку, напичканную холодным железом. Просто чтобы ни сил, ни возможности сопротивляться не было. Но логично, что без железа все-таки не обошлось: на запястьях болтались браслеты-кандалы, соединенные множеством длинных тонких цепочек с ожерельем-ошейником. Пока я валялась без сознания в них уже успело запутаться несколько прядей волос. Это простая бытовая деталь, вкуче с осознанием всей глобальности уж простите, пиздеца, в котором я оказалась, настолько вывели из себя, что первым порывом было желание вырвать эти чертовы волосы. К счастью, я не настолько толерантна к боли, а потому дернув локон изо всех сил и ощутив, как неприятно саднит кожа, вовремя остановилась. В итоге проблему мне помог решить нож для фруктов, который заботливые хозяева оставили на столе вместе с другими приборами, самими фруктами, сладким пирогом, белым хлебом с тимьяном и кусочками сыра. Забавно, еда была все той же, а вот интерьеры определенно обновили. Весьма удачно, надо признать. Скорее всего в одну из своих вылазок Тэмлин прихватил какие-то арты интерьеров из интернета, а может архитектурных альбомов или каталогов дизайна. Хотя, предполагаю, что он мог не искать ничего самостоятельно, а просто кинуть задачу на биржу фриланса. Здесь надо отдать должное людям: за годы своей короткой жизни, половина из которой приходится на весьма недееспособный период, некоторые из них умудряются создать столько нового и удивительного, сколько ни один представитель моего племени не смог и за тысячелетия. Зато воруют ши-о-даннар воистину виртуозно. Множество идей никогда не будут воплощены людьми, ведь существуют вполне резонные ограничения реального мира, обусловленные, например, свойствами материалов, почвы, техники, финансовый вопрос тоже не последнюю роль играет. А вот для ши таких проблем не стоит. Уверена, истовый фанат ар нуво, создавший эскизы, по которым изменяли эти покои был бы восторге от воплощения своих идей. Наверное, Фарис и Илиари потратили не один день, уговаривая деревья и камень подчиниться своей воле и художественному замыслу. Получилось, в целом, очень неплохо: что-то среднее между Мухой, Джексоновским Ривенделлом и влажными мечтами первокурсника с архитектурного. Я бы даже прониклась интерьерами, да вот только ситуация к этому не располагала.

Я пришла в себя слишком давно, а значит — мое одиночество и отсутствие «приветствия» от хозяев — это демонстрация намерения. Но клянусь: моя чаша терпения куда глубже, чем у них. Подождать — не проблема.

И знаете, долго ждать меня все-таки не заставили. Примерно через час после моего «парикмахерского» инцидента в комнату вплыло несколько Служителей. Двое мужчин, видимо, в качестве грубой силы и трое женщин. Все объединяли три вещи: нечеловеческая красота ши-о-даннар, серебряные венцы с амазонитом — знак служителей и глаза, горящие подобострастием и вожделием. Одна из девушек попробовала коснуться меня ментальной

связью, но отпрянула, наткнувшись на ледяную стену отторжения. Уж чем-чем, а мыслями, даже избранными, я была делиться не намерена.

— Служители Атари, Фервейн, Лирве, Виаллен и Тианури приветствуют Сверкающую Морвейн, Хозяйку гроз и штормов, да не иссякнут воды твои и не утихнут ветра!

Мое персональное приветствие И не забыли же! Стало даже немного приятно. Да, знаю, быть тщеславной, находясь, по сути, в плену — странненько. Но все равно приятно, когда тебя помнят спустя столько времени. Уже это заслуживало если не ответного приветствия, то хотя бы какой-то реакции.

— Не утихнут, не волнуйтесь. Давайте к делу: зачем вы здесь?

Я понятия не имею чего они ждали, но, скорее всего, чего-то другого. Девица, обратившаяся ко мне с приветствием, имя которой я уже забыла, покраснела.

— Сверкающая, нам приказано сопроводить вас в Зал Совета.

Вот знаете, тот момент, когда вроде бы ты мог предположить, что тебя сейчас куда-то поведут, но услышав, куда именно никакой ясности в вопросе «куда?» не приобрел. В моей карте Авалаша, в Стеклянном дворце никакого Совета, а тем более его Зала не было. Присутствовала, конечно, вероятность забывчивости, ну, той самой, свойственной легкомысленным юным девам, однако что-то подсказывало, что с памятью у меня все в порядке. А вот с актуальностью информации — нет.

— Ладненько. Ведите.

Мне казалось, что после этих слов они должны дружно выдохнуть, взять меня под белые ручки и торжественно сопроводить в тот самый Зал Совета. Но выдоха не случилось, совсем напротив, одна из девиц нервно заерзала и выдвинулась вперед. В целом, она выглядела, как и все остальные, но была одна деталь, от которой у меня волосы на голове зашевелились.

— Только посмейте! Этого, — я тряхнула руками так, чтобы цепи звякнули как можно громче, — более чем достаточно.

На служительнице были длинные, по самые плечи перчатки из плотной шелковистой ткани с золотистым блеском. Я видела подобные парочку раз и поводы, признаться, оставляли желать лучшего.

— Сверкающая, это распоряжение Всеведущего Эдериона, нам необходимо облачить вас в одеяние для церемонии.

Девица выглядела и звучала предельно вежливо, но, к сожалению, в ее словах и выражении лица читалась непоколебимая решимость. Впрочем, реальная проблема заключалась не в Служителях, а в Сотворенном, чей приказ они выполняли.

— Я уверена, что Всеведущий поймет и простит мне столь незначительное неповиновение.

Я улыбнулась, а в следующий момент служители мужчины повалили меня на ложе, лишив возможности сопротивляться. Хотела бы сказать, что в сем действии был сексуальный подтекст, но меня ожидало насилие совершенно другого, гораздо более отвратительного рода.

Понимая тщетность сопротивления, я тем не менее не могла от него отказаться. «Поверженные, но несломленные» — так, вроде бы это звучит? Попытки вырваться ожидаемо не увенчались успехом, крики и ругательства оставались без внимания. Я отчаянно пиналась, но ноги вдруг будто потяжелели, будто к ним привесили груз. А потом пришло ощущение чего-то, ползущего по коже слегка ниже колен. Как холодные, но сухие змеи. Они неприятно проскользили по коже и застыли на бедре, не давая шевельнуться. Парочка служителей надежно зафиксировали руки, а остальные принялись меня переодевать. От первого же прикосновения, ткань моей пижамы растворилась, носки и белье тоже канули в небытие. Затем служительница в перчатках аккуратно расстегнула ошейник и бережно, чтобы не повредить металлом кожу, сняла его. Другая девушка тут же нанесла на шею какой-то пахнущий цветами состав, который через мгновение полностью впитался, оставив только легкую ароматную дымку. Без ошейника из холодного

железа шансов было больше, поэтому я снова попыталась вырваться, придав себе сил криком. Все тщетно. В следующий момент на мне застегнулся другой ошейник. Он давил гораздо сильнее и по ощущениям тончайших цепей к нему крепилось намного-намного больше. Слишком много холодного железа. Вместо эмоционального дискомфорта, вызванного отстранением от собственной силы, я почувствовала тошноту, головокружение и тяжесть теперь не только в ногах, но во всем остальном теле. Металл отравлял, лишая сил, тепла и желания сопротивляться. Я не заметила, как сменились оковы на запястьях, просто когда меня подняли с такой осторожностью, будто я могла разбиться от неловкого прикосновения, они уже были на моих руках. Цепи струились по моим плечам, по груди, по спине, касались ног и укрывали мое тело не хуже ткани. Холодной, жесткой и неприятной ткани, от которой по коже бежали мурашки. Краем глаза я зацепила в зеркале собственное отражение, в моменте оно не вызвало у меня восторга, но потом, когда я вспоминала этот эпизод Я бы даже надела нечто подобное, но из другого металла, не вгоняющего в хтонический ужас. Отличный костюм для тематической БДСМ вечеринки. Вообще не удивляюсь тому, что Грис цепей не заметил, признаться, в этих кандалах я была горячее Ада.

Дорогу я помню плохо: меня тошнило и от холодного железа, и от ситуации, но Зал Совета и произошедшее в нем не забуду никогда. Хотя Нет, я все запомню — это уже более многообещающее заявление. Увидев Источник Праматери заключенный в каменную рамку бассейна, я осознала их намерения и чуть не хихикнула от облегчения. Не выйдет, ребята! Силенок не хватает.

Да, кстати, вся загадка, касающаяся членов Совета, как оказалось, не стоила и выеденного яйца: это были мои братья и сестры Сотворенные, далеко не все, но многие.

Видимо, они решили организовать свой собственный клуб Хранителей: ни одного Защитника среди членов Совета я не увидела. По их лицам сложно было прочесть, какие эмоции они испытывали по поводу моего возвращения, впрочем, по поводу всего остального тоже. Но определенные странности даже мой скукожившийся под гнетом проклятого железа мозг зафиксировал. Ежу было понятно, что Совет собрался для церемонии наложения гийясса. Но вот зачем понадобилась толпа Служителей — это вопрос, обычно такие дела не афишировали. Эдеру, что потребовалась группа поддержки? Или теперь тайные обеты больше не тайные? Хотя, есть у меня предположение: говнюк решил устроить мне публичную «порку». Знать бы еще ее повод! В конце концов, я же вела себя вполне пристойно и не лезла в дела Авалаша, как они и хотели. Тем временем гийяссу-ренай готовился к началу. Сопровождающие мужчины-служители обходились со мной, как с очень ценной статуей: бережно и крайне осторожно. Причем последнее скорее всего не из-за пиетета к моей персоне, а банального нежелания коснуться железных оков. Не знаю, как они умудрились это сделать, но им удалось поместить меня в бассейн, избежав отравления холодом. Воды Праматери тут же стали смывать с тела сковывающие чары, но не успели это сделать до того, как на моих лодыжках застегнулись новые цепи, теперь уже поднятые со дна бассейна. Сейчас, когда есть время на самоиронию, я разрываюсь между шутками про «цепную псину», «танцы живота» и «рождественскую елку», тогда же ситуация располагала только к тому, чтобы изо всех сил сохранять безмятежное выражение лица. Истерика — не то зрелище, которым хотелось тешить эго Эдера. Гийяссу-ренай или принятие клятвы — не история про заклинания, танцы с бубном, зелья и прочий выдуманный антураж, это таинство воли и кровной связи, свидетелем которого становится сама Праматерь Данну. И воля здесь может быть, как изъявленной, так и навязанной.

— Морвейн, кровь наша, приветствуем тебя! Наконец-то ты дома!

«Божечки-кошечки! Серьезно? В смысле «приветствуем»? В смысле «наконец-то»? У Эдерииона что, с памятью беда?» — вот что-то в таком духе крутилось у меня в голове. Не на языке, к счастью.

— Эдерион, кровь моя, рада нашей встрече. Братья и сестры, кровь моя, приветствую вас всех.

Кто бы знал, каких усилий мне стоило безмятежное лицо и церемонные речи. Не только из-за отравляющих оков, но и из-за ярости, которая бушевала под ледяной коркой железного яда. Эдер же смотрел на меня с выражением бесконечного принятия и прощения. Актер погорелого театра, чтоб его! Получив ответное приветствие Сотворенных, он благосклонно кивнул и продолжил свое цирковое представление.

— Благословен тот день, когда ты решила отринуть свою гордыню и вернуться, чтобы исполнить свой долг Защитника ши-о-даннар. Авалаш ликует от твоего прибытия!

Он взмахнул руками, показывая, что все присутствующие разделяют его чувство. Самое мерзкое — это искренность, с которой он говорил и выражения лиц присутствующих. Если бы они издевались — ок, это приемлемо, глумление над изгоем — вещь не очень достойная, но очень понятная. Но это Они как будто не замечали абсурдного расхождения их слов радости и надетой на меня металлической смирительной рубашки. Простите, но здесь сдерживаться стало попросту невозможно. Даннари, конечно, мог измениться за тысячелетие-другое, но не настолько, чтобы язык превратился в не пойми что.

— Интересные нынче у ши способы говорить «привет» Защитникам, братец. Я бы предпочла нечто менее авангардное, объятия, например, холодное железо, на мой взгляд, слишком «тепло».

— Морвейн, — Эдер улыбнулся добрейшей и ласковейшей улыбкой, на которую способен человек, вышедший из младенчества, и картинно хохотнул. — Для объятий еще найдется время. После того, как ты примешь благородную миссию всех Защитников — победу над скверной ру-амар.

У меня отвисла челюсть.

— Так как бы уже Примерно столетий тридцать назад, не припоминаешь? Или сколько там то есть, здесь прошло?

— Довольно много, Морвейн. Довольно много. Этого времени было достаточно, чтобы ру-амар подняли голову и начали отравлять Авалаш своим присутствием. Мы уже теряем побережье: Илиари чувствует, как земля уходит под воду, Фанель видит изменение Предела. Только небу известно, когда мы вновь столкнемся с порождениями ру-амар напрямую. Настало время тебе вновь встать на защиту Авалаш-этиру и ши-о-даннар!

На секунду мой гнев выжег ледяной яд и к разуму вернулась кристальнейшая ясность. Я хихикнула, решив оставить приличия где-нибудь, где они более уместны.

— А с хрена ли?!

Особенности даннари сделали перевод этого предложения невозможным, поэтому пришлось воспользоваться тем, что люди называют телепатией. Из-за воздействия железа мне хватило сил только на Хранителей, но главное — я передала свое отношение максимально четко.

— Это. Твой. Долг.

Ответ Эдера был пощечиной. Еще и потому, что он являлся тем, кто отстранил меня не только от политики Авалаша, но и от исполнения моего долга перед Праматерью и ши-о-даннар.

— А что, других «должников» не нашлось? Где Эйрис? Таласса? Сайлен? Ульфар? Не помню, чтобы я работала соло.

— Ты отказываешься от исполнения долга? — проигнорировал вопрос Эдерион.

— А ты отказываешься отвечать на вопросы о других Защитниках?

— Твой выбор огорчает нас всех, Морвейн. Ты заставляешь нас идти на крайние меры.

Я клянусь, Эдер ждал такого исхода. Знал, что меня выведет из себя неопределенность и разговоры о «долге». Он прекрасно понимал, что я по-хорошему в его игры играть не буду, и, видимо, в тот момент думал, что в его руках есть идеальный инструмент, который обеспе-

чит мое повиновение. Да, гийяссу-ренай, конечно, никто не отменял, но навязанная клятва — редкое неудовольствие и для обеих сторон, и принимающей, и налагающей. Другое дело — через шантаж навязать мне изъявление и остаться без дурных последствий. Нетушки, это так не работает.

Я стояла, ехидно ослабившись и представляя лицо Эдера, когда весь гийяссу-ренай пойдет коту под хвост. А тот уже отдал безмолвный приказ, и круг Служителей расступился, давая дорогу небольшой процессии. Не знаю, честно говоря, чего я ожидала, но, признаться, произошедшее знатно выбило меня из колеи. К сожалению для Совета, вообще не в том ключе, в котором они рассчитывали.

Мне кажется, что я в жизни так не смеялась. Грис в качестве рычага давления на меня! Божечки-кошечки, да из трухлявой ветки рычаг лучше! Ожидания Эдера вряд ли оправдались: они могли просто выдернуть из толпы случайного Служителя, имени которого я даже не знаю, и то мотивации смиренно сдаться было бы больше.

У меня закололо в боку, воздух в легких просто кончился. Последние смешки напоминали хрип удушья, а по пылающему лицу текли слезы. Черт, я клянусь: это лучшая шутка за все тысячелетия жизни Эдерииона. Смешнее он вряд ли придумает. Я ухмыльнулась.

— Мимо, Эдер. Можешь отправить это убожество туда, откуда взял.

— Значит по-хорошему не выйдет, сестра? — тон Эдерииона звучал почти сочувствующе. Ага, себе посочувствуй, скотина.

— Выйдет, если сейчас же снимешь с меня обвес и отправишь восвояси.

— Морвейн, прекрати, — вклинилась молчавшая до сих пор Ливанве. — Ты же знаешь, что вероятность не на твоей стороне. Поражение неминуемо.

— Тогда договорись со случаем, чтобы и поражение ру-амар было неминуемо, или еще лучше, наложите на них неудачу, пусть слезая с горшка, дружно шеи посворачивают!

Да, прозвучало резко. Тем более, что у нас с Лив хорошие отношения. Ну, были во всяком случае.

— Следи за языком, Морвейн! — вклинился Фарис. — Твое отступничество — тяжкий грех, на который мы готовы

— Пасть закрой, Фарис! — рявкнула я Дуболому. — Хранители? Что вы сохранили, а? Что такого вы сделали, что вас покинули все Защитники? Ну-ка, расскажи ты, раз Эдер у нас онемел.

— Не твое дело, дрянь! Твое дело — ру-амар.

Это превращалось в балаган.

— Да ладно?! Что еще не мое дело? Может быть идти одной туда, куда подразумевалось идти впятером, а? Я, конечно, девочка способная, но свои пределы знаю и на самоубийство не подписываюсь!

Здесь я безбожно лукавила. Во-первых, я действительно не знала своих пределов, лишнего мира для разрушения, так-то, не было. Во-вторых, сейчас я бы, скорее всего, справилась с ру-амар. Годы на Земле, где сил у меня почти не было, научили виртуозно пользоваться даже их крохами и выжимать весь потенциал до капли. А на землях Авалаша я просто Супергерл под желтым солнцем: все характеристики взвинчены до абсолютного максимума. Если бы на меня не нацепили бусы из «криптонита», даже сейчас никаких проблем бы не возникло.

— Довольно! — снова подал голос Эдериион. — Морвейн, сейчас я даю тебе последнюю возможность принять свою миссию и свои клятвы. Ты принимаешь свой долг Защитника оберегать Авалаш и ши-о-даннар, быть силой, разящей врагов наших и щитом, укрывающим нас от бед?

— Мечтай, — процедила я сквозь зубы.

И тут началось.

Грис уже описал свои ощущения и видение «извне», думаю, что не стоит повторяться. Гийяссу-ренай с навязанной волей — увлекательный аттракцион для любителей острых ощущений. Причем, чем клятвенник сильнее, тем ощущения хуже. Представьте, что каждая клеточка вашего тела резонирует с окружающим миром и будто старается перестать быть частью вашего тела, по венам внезапно начинает течь лава, а каждая мысль ранит сильнее ядовитого клинка. Непередаваемые ощущения, которые можно смело умножить на десять. А со стороны-то выглядит вообще-то даже красиво, эдакое файер-шоу класса люкс «Ведьма на костре». Сердце грело только то, что всему Совету приходилось так же хреново. И еще то, что я была уверена — у них ничего не выйдет. Я сильна. Я божественно сильна. Мое могущество больше, чем у любого Хранителя.

Один на один они мне не соперники, думаю, что Совет это прекрасно осознавал, а потому решили брать ядом и количеством. И это не работало к сожалению, только некоторое время. Сначала моя защита казалась неуязвимой, мне кажется, что прошла целая вечность, но в один момент броня начала давать трещину. Очень медленно, по чуть-чуть, но она поддавалась. Помню, что кричала, кричала, как никогда в своей жизни и не только от боли. Осколки моей самоуверенности оставляли кровавые раны, которые тут же воспалялись и начинали гнить. Боль можно терпеть, унижение — нет. Я отдала приказ «ни шагу назад», превратила всю свою злость, обиду и жажду вернуться на Землю в щит. Я вложила всю себя. Но для победы этого оказалось недостаточно.

Не обрати силу свою против детей Авалаиш-этиру.

Исполни долг свой: уничтожь величайшую угрозу для детей Авалаиш-этиру.

Не покидай Авалаиш-этиру, покуда долг твой не исполнен.

Это мои гийяссу.

Прядь седьмая

Ноктюрн холода и жара

— Вот такая вот жопа, милый. Можешь расслабиться и устраиваться поудобней. Ты здесь надолго.

Мор картинно выдохнула, показав, что далее диалог она продолжать не намерена, подошла к изящному белому столику, сервированному для весьма плотного перекуса, налила себе в бокал какой-то прозрачной голубоватой жидкости и тут же поставила его, недовольно цокнув языком. Грис же сидел, как пыльным мешком прибитый.

— Я ни хрена не понял Это шутка, что ли?

До сих пор вам могло казаться, что Морвейн вспыльчивая, эмоциональная и не может держать себя в руках, когда что-то идет не так, как она хочет. И знаете, вы ошиблись. Там, где взрывалась она, любой самый сдержанный человек тоже, скорее всего, просто полыхал бы. А теперь представьте, что вы битый час пытаетесь что-то объяснить человеку, который вам неприятен. Сдерживаете свои порывы назвать его кретином и терпеливо разжевываете ответы на все его вопросы. А он выдает вам такое. Ваша реакция? А Мор всего лишь молча вызвала порыв ветра такой силы, что он опрокинул Грису на ложе. А могла бы, между прочим, сделать импровизированный электрический стул.

— Достаточно или еще вопросы будут?

Грис все еще не принимал реальность, что печально. Казалось бы, времени у него на это было предостаточно, а уж поводов понять, что «мы не в Канзасе» и того больше.

— Да, есть один. Что мы будем делать?

— Не знаю, для начала можем выпить? Очень в твоём стиле, как мне кажется.

Грис снес этот словесный укол.

— Я вообще-то серьезно.

В его голосе не было обиды, раздражения или чего-то подобного, действительно, одна сплошная «серьезность».

— Так и я тоже, — кивнула Мор в сторону графина. — Расширишь свою алкогольную карту местным винишком. Немногие могут этим похвастаться.

Она схватила бокал и одним глотком его опустошила. А в следующую секунду рухнула на холодный пол, схватившись за горло. Рисунок на полу лихорадочно заметался.

— Помощь. Кричи.

Эти слова он не услышал, а ощутил. И понял, что сейчас может случиться непоправимое.

Грис вскочил и заорал как никогда в жизни. Сначала это были слова, но вскоре их сменил оглушающий отчаянный рев. И он сработал, буквально мгновенно в комнату ввалилось трое служителей. Они увидели его, потом лежащую на полу Морвейн. Один мужчина сразу кинулся к ней, а второй, утробно зарывав, опрокинул Грису и впечатал его лицом в пол, лишив последнего возможности видеть, что происходит в комнате. К счастью, у Грису оставалась возможность говорить и, что более важно — думать.

— Вино! Это вино!

Разумеется, они не знали его языка, зато видели его мысли.

Державший его страж, слегка ослабил хватку и одновременно крикнул что-то на своем распевном языке другому. Грис услышал шаги и последовавший за ними возглас. Интонация не оставляла сомнений — служитель выругался. Дела были плохи.

В следующее мгновение Грис почувствовал сразу две вещи: как паника подкатила к горлу и как тяжесть чужого тела перестала давить ему на спину.

— *Яд. Помоги. Нужна кровь.*

Возможно, Грис бы успел подумать, возможно, даже оказать какое-то сопротивление, но служитель действовал молниеносно: рывком поднял мужчину с пола, несомненно оставив на плече приличный синяк, и толкнул его к все еще распростертой на полу Морвейн.

— *На колени.*

Спрашивается, стоило ли вообще поднимать его с пола? Можно было бы просто пнуть в нужную сторону. Потом и сам дополз бы как-нибудь. Простите, опять вспоминаю эту ситуацию и начинаю злиться. А когда я злюсь, я — язвлю, что поделаешь

Грис опустился на колени прямо у головы Мор и нервно сглотнул, взглянув на ее бледное лицо, искаженное страданием. На лбу сверкали хрустальные бисеринки пота, почти прозрачную кожу покрывали мурашки, а сбившееся дыхание и давалось ей с видимым трудом.

— *Руку.*

Грис снова почувствовал касание разума служителя и покорно протянул ему ладонь. Мгновение и на коже проступили капли крови из непонятно откуда взявшегося пореза. Грис испугался, попытался было отдернуть руку, но служитель крепко схватил его за запястье и приложил окровавленную ладонь к губам Морвейн.

— *Горячее железо выжжет холодное.*

Это была самая длинная мысль, которую до сих пор передавали Грису. В этот момент он почувствовал, как ментальное касание стало более долгим, будто бы углубилось и приобрело большую интимность.

Время тянулось медленно, а кровь все текла. Часть ее, как и предполагалось, попадала в рот Морвейн, часть испачкала ее лицо и волосы, несколько капель расцвели алыми цветами на лифе платья. Воздух наполнялся металлическим запахом, от которого Грису замутило, но руки от ее лица он не отнимал, внимательно наблюдая и стараясь уловить хоть какие-то изменения состояния. Первым начало выравниваться дыхание. Настолько постепенно, что казалось будто ничего на самом деле не происходит, однако в какой-то момент Грис заметил, что грудь Морвейн вздымается все более спокойно и равномерно. После этого начала уходить бледность. Теперь ее кожа снова стала просто светлой без мертвенной синеватой тени. Вместе с бледностью отступили мурашки и только тогда Грис понял, что обморок сменился целебным сном.

— *Спасибо.*

Это была первая благодарность, полученная Грисом от ши-о-даннар. И первое теплое слово на Авалаше.

Прядь восьмая

Интермеццо фальшивой заботы

Категорически не хочется этого делать, но я сделаю. И признаю свою неправоту и принесу извинения. Но прежде всего возблагодарю небеса за светлую мысль притащить Грису в мои покои. Так вот: благодарю и прошу прощение, что считала (и называла) Грису бесполезным мусором. По сути, он дважды спас мою жизнь в тот день. Первый — когда вызвал служителей. Второй — когда дал «противоядие» от холодного железа. Не будь его рядом, этот день вполне мог оказаться моим последним.

Я плохо помню события после того злополучного бокала. Знаете, а ведь это была какая-то невообразимая «удача»: как правило, я вино залпом не пью. Что самое жуткое отравитель, вероятно, знал о моих предпочтениях, так как не поскупился и на хорошее вино, и на слоновью дозу холодного железа. Как я не заметила его, учитывая, как меня крыло от «наружного» применения? Не представляю. Говорят, что гнев — плохой советчик, видимо, охранник он тоже так себе. Не вижу иных причин, почему все произошло именно так.

Очнулась я в самых лучших традициях мелодрамы: в постели, переодетая и с задремавшим Грисом у изголовья кровати. Цветочков с апельсинами только не хватает. Была, правда, маленькая деталь, выбивавшаяся из идилии.

— Добить меня пришел?

Эдерион попытался ответить мысленно, но я отказалась пускать его в свою голову. Он не упорствовал.

— Нет, пришел посмотреть, как ты, и поговорить.

— И сколько ушей еще нас слушает?

— Только этот твой, — Эдер кивнул в сторону посапывающего Грису. — То есть, считай, что нисколько.

Я картинно вздохнула, демонстрируя насколько тяжело мне дается принятие этого решения.

— Ладно, смотри, говори Короче, делай, что хочешь!

— Мор, как ты себя чувствуешь?

Возможно, мне показалось, но в голосе Эдера звучали нотки искреннего беспокойства. А, впрочем, с этим все понятно. Если винишко — не его рук дело, то значит кто-то покусился на его «сторожевую суку» и чуть не разрушил планы «хозяина».

— Сносно, но не твоими молитвами И обращай ко мне, как положено, мы не в тех отношениях, чтобы фамиллярничать.

Эдерион улыбнулся самой грустной улыбкой из своего арсенала фальшивок.

— Зачем ты так, Мор? Я же тебе не враг.

Клянусь, если бы Эдер знал, что такое insult, а меня можно было бы до него довести, то именно это он и пытался сделать. Я от такой наглости чуть собственным языком не подавилась от возмущения.

— А кто, Всеведущий? Проясните ваш статус, а то я уже потерялась в догадках.

Я могу быть невыносимой язвой, когда злюсь. Могу и с удовольствием это делаю. Эдерион как-то неуверенно дернул плечами в ответ на мой выпад. А я почуяла кровь

— Ну же, Эдер! Давай-ка подумаем и вместе это выясним. Обычно отношения зиждутся на чувствах и их проявлениях. Какие же чувства надо испытывать, чтобы устроить мне публичную пытку железом, навесить три гийясу, а потом прийти проведать после отравления, которое я по всем прикидкам не могла пережить?

— Морвейн, ты не понимаешь, так было нужно!

А надрыва! Надрыва-то сколько! И все это шепотом, представляете? Я не сдержалась и хмыкнула.

— Ты говоришь один в один, как какой-нибудь злодей-манипулятор из третьесортной драмы. Если «так было нужно», то изволь объяснить кому и зачем. Иначе я не со

— Эхрыыыы — прервал меня на полуслове громкий всхрап Гриса. Видимо, это был знак, поэтому продолжать мысль я не стала, ожидая объяснений от Эдера. Но их не последовало. Что же, это красноречивее любых слов. Не знаю, как долго длилось наше молчание, но раз кому-то все равно пришлось бы его нарушить, я решила сделать это сама.

— Уходи.

Голос звучал максимально безэмоционально, во всяком случае, я очень надеялась, что звучит он именно так. Эдерион кивнул, а потом молчаливо и смиренно покинул мои покои, через бесшумно открывшийся в стене проход. Скатертью дорожка.

Грис продолжал мирно спать, тихо посапывая и периодически всхрапывая. Я обратила внимание на тоненькую ниточку слюны, тянущуюся от уголка рта почти до подбородка. Мерзость. Непонятно от чего, но вдруг стало очень тоскливо. И жалко себя. Нет, это еще не было отчаянием, но движение явно шло в данном направлении. Я оглядела свои стерильно прекрасные покои, лишённые беспорядка, пыли и хоть каких-нибудь вещей, обозначающих, что они мои. Пусто. Блекло. Чуждо. Одиноко. И, тем не менее, этому месту придется стать мне домом. Не хочу. Я снова перевела взгляд на Гриса.

— Наверное, придется доверять тебе, раз никому больше нельзя, — слова, предназначенные не ему, а мне. В них не было утешения. Просто констатация факта: Грис единственный, кто пока точно не желал моей смерти.

Я мысленно приказала светящимся сферам погаснуть, устроилась поудобнее на кровати, укрылась с головой покрывалом, всем своим видом показывая, что намереваюсь возобновить прерванный сон.

И горько беззвучно зарыдала. Впервые я не видела никакого выхода.

Прядь девятая

Интерлюдия пустых разговоров

И снова очередное пробуждение... Может хватит уже, а? Каждый раз одно и то же: turn on\turn off. Пооригинальнее повествовательных решений не найдется? Эх, ладно...

Мор восстанавливалась медленно. Прошло уже несколько дней, но последствия отравления все еще сказывались слабостью, головокружением и какой-то неутолимой жаждой. При этом тело почти полностью отторгало пищу, и Мор рисковала стать первой ши-о-даннар, когда либо умершей от истощения. Печальный и бесславный конец для могущественной Сотворенной.

Грис все время оставался рядом. Кстати, когда он снова попытался нагадить в одном из углов, Мор рассмеялась и объяснила, как вызывать и закрывать проходы в другие помещения. А всего-то и нужно было поговорить со стеною повежливее. Как оказалось, архитектура Авалаша имеет определенную слабость перед грубой лестью и чопорными просьбами. Это Грис выяснил опытным путем, поговорив буквально с каждым предметом в покоях Сотворенной. Были и другие открытия, которые очень радовали человека, привыкшего к благам цивилизации. Как оказалось, фраза «обо всем можно договориться» в Авалаше становилась буквально некуда. Он договаривался с ванной о нужной температуре воды, постель по его просьбе становилась мягче или жестче, а любой предмет менял цвет и узор, необходимо было только: а) быть вежливым, б) четко представлять желаемое с) убедить вещь в том, что так той будет лучше. В какой-то момент Морвейн даже подумала, что уж слишком хорошо Грис освоился в новой обстановке. Повод, признаться, имелся весьма забавный: он превратил одну из стен в панно из мемов. С котиками. В рамках невозможного пафоса всего окружающего, кот делающий «хоба» смотрелся особенно комично. На самом деле, его интерес к миру и нетривиальный подход к его возможностям очаровывал Мор. Никогда в трезвом уме она бы в этом не призналась, но именно так оно и было. Еще одним поводом повеселиться стал вопрос гигиены, который Грис попытался поднять максимально деликатно, насколько это в принципе мог сделать идиот вроде него. Он долго мялся, краснел, бледнел и наконец выдал нечто, заставившее Мор опять хохотать во весь голос.

— А как... ты ну, это... понимаешь... по-маленькому там...

Можно было бы и оскорбиться, но нелепость ситуации и его смущение и кредит в виде дважды спасенной жизни смягчили отношение Морвейн, приземлив его на уровень «базовое снисхождение к недостойным». Так и просится «убогим», но она действительно сильно размякла.

— Могу не ходить. И по-большому тоже. И вообще шутка про то, что девушки «какают бабочками» пошла в народ из-за ши, — с абсолютно серьезным выражением лица выдала Мор.

Грис округлил глаза.

— Но как же... Я думал...

Сформировать мысль он не успел, потому что Морвейн взорвалась искренним веселым смехом. Ну, не дурак ли? Как можно поверить в подобную чушь?!

— Издеваешься?

Грис выглядел почти обиженным, поэтому Мор решила сгладить угол.

— Нет, просто шучу — предмет разговора располагает. А если серьезно, то я существо несколько иного порядка, не в том смысле, что туалетные дела мне чужды. Просто у меня особые отношения с энергией и материей: можно найти компромисс и разложить «всякое» на «плесень и липовый мед» или вообще слепить из него нечто приятное с помощью ядерного

синтеза и других физических фокусов. Хочешь, могу создать алмаз буквально из дерьма? Сделать «золотой дождь» более буквальным, немного посложнее, но тоже возможно.

— Фу, это же отвратительно!

— Между прочим, это не я подняла туалетную тему. Какие теперь претензии? Хотел знать? Теперь живи с этим.

И она снова хихикнула.

Эти дни походили на их прошлое: беззлобные шутки, легкие словесные пикировки, искренняя, проявляющаяся в мелочах, забота и очень много времени только вдвоем. Да, шутки про дерьмо тогда тоже были в ходу.

И все шло бы даже неплохо, если не брать в расчет частого гостя, который являлся незваным чуть ли не каждый божий день. Сначала он был для Гриса «одним из тех чуваков, на кого Мор орала на гийяссу-ренай», потом оказался Эдерионом Всеведущим, а со временем приобрел прозвище, которым мы не будем марать бумагу. Просто знайте, что оно было не очень приятным.

Эдерион действительно приходил очень часто, и в часы его визита Грис стабильно изображал мебель. Потому что Хранитель не собирался смущать свой разум чем-то столь незначительным и игнорировал человека со всем возможным высокомерием превосходящего существа. В целом, Гриса это не задевало, бесило другое: они с Мор всегда разговаривали друг с другом на даннари. С одной стороны, логично, вряд ли Эдерион владел еще какими-то языками, в этом-то и надобность отсутствовала, а с другой Ну, был же способ включить его в беседу, однако ни Хранитель, ни, что гораздо более обидно, Морвейн не удосужились им воспользоваться. Более того, она каждый раз небрежно отмахивалась, отказываясь посвящать Гриса в «эту ерунду». А ему оставалось только негодовать где-то глубоко в душе и согласно кивать снаружи.

Грис боялся. Авалаша, ши-о-даннар, неведомых ру-амар, Совета, магии, незнакомой еды, да всего! Вплоть до того, что все произошедшее окажется безумием белой горячки и он очнется от него где-нибудь в психушке. Но больше всего он боялся Морвейн, из-за Морвейн и за Морвейн. Он боялся ее силы, ее гнева, ее сути, ее долга, ее секретов. И ее возможной смерти, которая внезапно оказалась куда ближе и реальнее, чем кто-либо мог вообразить. И оставьте свои сентиментальные мысли о том, что его сердце разорвалось бы от боли потери. Ха. Он боялся остаться один на один с враждебным и таинственным миром Авалаш-этиру и никогда больше не вернуться домой.

Знаете, что бы там ни думал Грис (как будто бы я не замечала, что он дуется), разговоры с Эдером действительно были ерундой. Обычно он спрашивал меня о самочувствии, потом переключался на какие-то свои планы по победе над ру-амар и все время пытался вовлечь меня в обсуждение этих планов. А я усиленно изображала умирающую, не имеющую ни сил, ни желания этого делать. Вот уж не думала, что мне будет за что сказать отравителю «спасибо». Но он дал мне почти две недели форы, чтобы собраться с мыслями и попытаться слепить из депрессивных руин «героиню», способную принимать решения и действовать. Не без труда, однако это все-таки вышло. И первым делом, я решила показать тщеславным индюкам из Совета, что гийяссу — не панацея, когда пытаешься сковать бурю.

Случай для демонстрации представился удивительно быстро.

— Через неделю будет праздник, посвященный твоему чудесному возвращению. Изволь присутствовать.

Праматерь, если бы я сама выбирала обстоятельства, они не смогли бы быть идеальнее! Что же, Эдер, покорно благодарю за сцену, зрителей и действующих лиц. Будь уверен, я найду им достойное применение.

Прядь десятая

Гимн соблазна и ревности

— В смысле предлагать?! Мне?!

Потрясение Гриса почти умиляло, настолько оно было искренним.

— Тебе, mon cher. И не говори, что это не похоже на твою эротическую фантазию: я видела историю твоих просмотров на оранжевом Youtube.

Мужчина покраснел, как семиклассник, которого спалили на просмотре содержимого скрытой папки на отцовском ноутбуке.

— Но... с какой радости-то?

Нет, это было слишком мило, а вкупе с предвкушением событий грядущего вечера возносило настроение Морвейн куда-то к облакам.

— Потому что могут и хотят.

— Чего хотят?

— Свежего «мясца» и нового опыта, милый. Для них трахнуть человека примерно такая же экзотика, как для тебя — трахнуть ши, — с улыбкой пояснила Мор.

— Вообще-то, не такая уж и экзотика — буркнул в ответ Грис, испытывая собственную удачу и добродушие Сотворенной. На удивление, и того, и другого оказалось достаточно.

— Ага, поэтому не смей меня позорить. Покажи им все, на что способен, а не как обычно. Ладненько?

Туше.

Грис только скорчил недовольную гримасу. Он вообще до сих пор не разобрался, как относится к ситуации. С одной стороны, находилась Морвейн, которая всем своим видом демонстрировала, что ничего даже псевдоромантического между ними происходить не может. А с другой — празднование, которое Мор описала, как «нечто среднее между луперкалиями и вакханалиями» и «десятки нереальных красавиц-ши, мечтающих предаться плотским утехам со смертным». Звучит, как пубертатные фантазии, внезапно воплотившиеся в реальность, правда? Какой мужчина от такого откажется? А теперь финт ушами — Грис готов был от этого отказаться, потому что желал совсем другого. Он все еще ловил взглядом каждое случайное движение и выражение Морвейн. И надеялся, что когда-нибудь его «прекрасная дама» оценит преданность и усилия своего «рыцаря» и изменит свое отношение. Ему казалось, что подвижки для этого имелись: она больше не плевалась в него ядом и не издевалась словесно, была даже милой. Конечно, в своей особой саркастичной манере, но все же... Уже большой прогресс, если вспомнить их первые часы в Авалаше. Возможно, если он поможет ей как-то разобраться с квестом или, чем черт не шутит, сможет снять с нее гийясу, она... Была еще одна идея, старая, как мир, и оригинальная, как кирпич: заставить Мор ревновать. Стоит еще добавить «тупая, как пробка», но тут у каждого свое мнение. Только вот по ощущениям Гриса концепции «ревность» и «собственничество» были абсолютно чужды Сотворенной*¹.

— Еще один момент, — выражение лица Мор внезапно изменилось на абсолютно серьезное. — На празднике кое-что произойдет. Это «кое-что», вероятно, тебя огорчит. Причем, сильно огорчит и, возможно, напугает.

— Можно говорить без загадок? — раздраженно уточнил Грис.

Мор хмыкнула.

¹ *В рамках культурологической ремарки, замечу, что не только Морвейн, но вообще всем ши-о-даннар

— Вообще — да, но только в том случае, если окружающие неспособны читать твои мысли, как состав освежителя воздуха в туалете.

— А нельзя сделать как-нибудь так, чтобы они были неспособны? — теперь голос мужчины звучал не раздраженно, а озабоченно.

— «Как-нибудь», наверное, можно. Только я не знаю как: для меня это никогда не было проблемой. А искать выход сейчас — вообще не вариант: остались считанные часы до момента «Х», мы даже толком подумать над решением не успеем. Давай оставим этот вопрос на «потом», ладненько?

Мор говорила серьезно, более того, в ее голосе сквозило искреннее сожаление о том, что она не может поделиться с ним подробностями. Грису не оставалось ничего, кроме как уступить.

— Ладненько.

Мор улыбнулась.

— Пойми, это не вопрос недоверия к тебе, это — вопрос нашей с тобой безопасности и места на Аваланше. Я говорю «нашей», потому что мне нужна твоя поддержка и, по возможности, помощь. В моих силах обеспечить твоё выживание и, с высокой долей вероятности, возвращение домой. А в твоих — сделать так, чтобы у меня было ровно в два раза больше надежных глаз и ушей.

Про удобный источник «противоядия» Морвейн тактично (и благоразумно) умолчала.

— Так вот, про сегодняшний вечер Я бы желала твоего присутствия. События, которые должны произойти Скажу так, для человека они, вероятно, будут шокирующими. Однако позволят оценить баланс сил и, в целом, тебе будет полезно знать о потенциальных угрозах и возможностях.

Мор нагнала тумана и интриги так, что какие-либо предупреждения только усиливали желание Гриса столкнуться с неведомым «кое-чем». Но показать свою заинтересованность Мор значило вновь радостно сыграть по ее правилам. Нет, чтобы изменить ее отношение, следовало начать устанавливать свои.

— Допустим, но а если я не захочу? — эти слова так и кричали «поуговаривай меня».

— Тогда ты узнаешь о них через вторые руки. Глобально ничего не поменяется, так что уговаривать я не буду.

Грис задумчиво пожевал нижнюю губу, пытаясь сообразить, как же все-таки свернуть на дорожку, где он сможет хотя бы частично управлять ситуацией. Но пока это был автобан без съездов, который прокладывала Морвейн. Выбор без выбора, мать его...

— Я нужен в качестве кого?

— Просто зрителя. Этого будет вполне достаточно. В остальном, можешь проводить время в свое удовольствие: я препятствовать не буду. Единственное, о чем я прошу — когда я обращусь к тебе мысленно, следуй моим указаниям и ничем не выдавай своего присутствия. А главное — не вздумай вмешиваться, что бы ты ни увидел.

Стекланный дворец научился производить впечатление. Да, века назад его можно было назвать красивым, очаровывающим. К настоящему моменту он умудрился стать великолепным и грандиозным. Само по себе достижение неплохое, но оно забрало ту жалкую толику самобытности, которая когда-то присутствовала в культуре ши. Не могу определить, какие чувства испытываю по этому поводу. Сожаление? Едва ли. Ностальгию? Ну, может быть. Однако, если отбросить флер сентиментальности, дворец действительно стал выглядеть намного лучше. Настолько, что даю зуб — земные архитекторы удавились бы от зависти.

Палаты Данну утопали в свете. Он преломлялся тысячами граней и играл радугой на полу, стенах, колоннах и облаченных в белое телах присутствующих. Красиво, но в глазах все же слегка рябило. Стекло, стекло и еще раз стекло. Во всем многообразии его видов: прозрач-

ное, цветное, вспыхивающее опаловыми огнями, матовое и будто бархатное на ощупь, непроницаемое и будто вбирающее в себя свет. Удивительно, как удавалось сочетать подобную хрупкость с изящными завитками растительных мотивов, будто застывшим движением животных форм и самой страсти, запечатленной в изгибах человекоподобных фигур. Короче, «пошлость и непотребство», как скорее всего выразилась бы ваша престарелая соседка. Антуража добавляла вполне узнаваемая мелодия «Rock me like a hurricane» от Scorpions в исполнении местного «народного ансамбля». Если это была ирония, то я ее оценила, а если чистая случайность, то стоит просто сделать комплимент музыкальному вкусу Тэмлина, приволокшему «шедевры людского искусства» для обогащения культуры ши-о-даннар. Оказалось, довольно забавно играть в «Угадай мелодию», пытаясь продрагаться сквозь специфическое звучание наарили, териоса и ламби. Но зато я убедилась в том, что если музыка хороша, то совершенно неважно на каком инструменте она исполнена. Надо будет, кстати, как-нибудь попробовать исполнить «Master of puppets» на «флейте водосточных труб», что-то подсказывает, что должно выйти неплохо

Ладно, отвлеклась, признаю, и стоило бы уже вернуться к более важным вещам, в частности, уделить немного внимания Грису, который, казалось, был готов вцепиться в подол моего платья и не отпускать его до самого конца празднования.

— Расслабься. Сожрать тебя здесь никто не сожрет, — ухмыльнулась я, но тут же задумалась о правдивости этих слов. — Во всяком случае, не буквально и почти наверняка тебе это понравится.

По Грису было видно, что он мне не верит ни на йоту.

— Почему они смотрят?

Он едва выдавил из себя вопрос, явно нервничая под любопытными взглядами, которые нет-нет, да и проскальзывали по нему по дороге ко мне.

— Потому что такой красоты здесь примерно тридцать веков не видели. Теперь вот наглядеться не могут.

Грис ошарашенно уставился на меня.

— Тут что, тридцать веков назад были люди?

Ишь, поверил в себя однако! Нахал!

— Люди здесь бывают регулярно, пусть и в малом количестве. А вот я — другое дело.

Знаете, иногда мужчины совершают ошибки, иногда — не могут заткнуться вовремя, иногда — оказываются на волосок от смерти. Грис сделал все это сразу.

— Но ты же некрасивая!

Он был в шаге от трагической и безвременной кончины, но, увидев выражение моего лица, поспешил исправиться. Ну, попытался это сделать...

— В смысле, не такая красивая, как другие ши...

...и потерпел просто оглушительное поражение.

— Ну, то есть... Черт, не убивай сразу, а дай объяснить, что я имею в виду!

А он, оказывается, безнадежен только на 99%. Хотя бы осознает возможные последствия неосторожно сказанных слов.

— Я хотел сказать, что они все, как статуи. Их будто ИИ генерировал на запрос «самые красивые люди, которых можно вообразить». Ты — другое дело. Нет, я не про то, что ты некрасивая, но не такой рафинированной красотой, какой красивы они. Ты... Миленькая?

Последнее слово он явно произнес с вопрошающей интонацией.

— «Миленькая»?

Надеюсь, что он сумел прочитать субтитры на моем лице. Для своего же блага.

— Ну, ты красивая, все такое... Но, ты — «своя», а они — «чужие». Че-о-о-о-рт! — простонал Грис, тщетно пытаясь выразить свою мысль вербально и избежать трагической гибели. Я решила не доводить его до инсульта, а потому мягко коснулась его мыслей.

— Ааааа... Так вот ты о чем!

Мне кажется, что он выдохнул, когда осознал, что наконец-то я поняла его правильно, но тут же скуксил рожу, намекая, что хотел бы все-таки получить чуть-чуть пояснений. И я решила их дать, хотя тема была не сказать, что приятной.

— Скажи-ка мне, дорогой, что бы ты сделал, если бы сегодня проснулся в собственной постели в теле безумно красивой женщины?

Он не думал ни секунды. Просто НИ СЕ-КУН-ДЫ!

— Офигел. Но, в целом, жизнь стала бы гораздо проще: я бы нашел себе папика побогаче, женил на себе и остаток жизни пилил бы ногти, тратил его бабки где-нибудь на Мальдивах и думать бы забыл о существовании слов «работа», «зарплата» и «ипотека».

Знаете, в кои-то веки я не буду давать субъективное оценочное суждение его пассажиру и оставляю свое ценное мнение при себе.

— Ладно, с тобой, милый, все ясно. Но мне вот быть безумно красивой одинокой женщиной в мире людей не понравилось. Вообще. Поэтому пришлось немного подрихтовать внешность, приблизив ее к средней. Не могу назвать себя мастером в управлении живой материей, но со своим телом я в ладах. Пришлось постараться, но «чуть симпатичнее обычного» — это то, что меня, в принципе устраивает.

По его лицу было абсолютно понятно, что он совершенно не понимает, как можно добровольно отказаться от такой «имбы», как красота. А я... В я просто не обязана кому-то что-то объяснять. Смиритесь. Кстати, есть вероятность, что мое повествование и, в частности, его тон вас утомили. Что могу сказать по этому поводу... Вас никто не держит. Вообще. Правда-правда. Вы не обязаны это читать, а я не обязана прогибаться под ваше мнение и вкусы. В целом, никто никому ничем не обязан. Да, это так и работает. С этим тоже предлагаю смириться.

Тема разговора сама собой завяла, скукожилась и, наконец, окончательно стухла. Настолько, что Грис начал поглядывать не только на ши вокруг, но и на столы с едой и напитками. Казалось бы, должны присутствовать страх, предвкушение, благоговение, но... Обед должен быть по расписанию, а здоровый мужской аппетит и нервный жор никто не отменял. Грис вопросительно посмотрел на меня, а потом едва заметно повел головой в сторону еды. Я молча кивнула, едва сдержав ухмылку. Сейчас пусть, конечно, делает, что хочет, опасаюсь только, что дальше его желудок ждет весьма суровое испытание. Впрочем, это будут совсем не мои проблемы, а у меня и своих предостаточно.

Грис утопал к «фуршету» с выражением неловкости на лице. Ох, милый, толи еще будет! Я уже представляла, как его, жующего кусок сыра, окружает стайка любопытных девиц, и не только девиц, ши. Надеюсь, что от вечера он получит удовольствие. Не такое как я, конечно, но достаточное.

— Сверкающая, да озарит твоя благодать душу и тело недостойного.

Голос осмелившегося подойти служителя бесцеремонно вырвал меня из сладких путей предвкушения. Что же, начался парад ухажеров. Интересно, сколько отчаянных рискнет попытать удачу?

— Не сегодня.

Протоколом была предусмотрена совсем другая фраза, но вы же уже поняли, что чихать я хотела на все чаяния и ожидания тех, кто посадил меня на цепь? Хотелось бы, чтобы и они уже это поняли. Хотя, вот этот конкретный, видимо, догадался и, вежливо кивнув, ушел восвояси предлагать свое тело кому-нибудь другому. К сожалению, или к счастью, он запустил цепную реакцию: один за другим ко мне подходили служители и, раболепно заглядывая в глаза, просились ко мне в постель. Как можно догадаться, все получали от меня различные вариации на тему «не сегодня». И между прочим, я даже не соврала, в другой день у них, вполне вероятно, появится шанс воспользоваться моим благодушием, а потом и «благодатью». Но не сегодня. Если вы бывали на празднике ши-о-даннар, то прекрасно знаете, что с любыми вари-

ациями человеческих праздников он имеет лишь весьма условные общие черты: музыка, еда, участники. Вообще, если вы знакомы с ши, то знаете, что развлекаться они не умеют, скучны до безобразия и получают удовольствие преимущественно от радостей плоти. Короче, меня, если что, тоже не зовите на эти ваши квизы, квесты и прочие D&D — не оценю, как и большинство ши. И цель любого празднования на Авалаше — получить как можно больше телесных удовольствий. Клянусь, половина читающих это покраснела, а вторая сейчас спешно стирает с лица пошловатую улыбку. Расслабьтесь, все равно вас никто не видит, а если и видит, то им все равно. Так что, если когда-нибудь окажетесь на Авалаше, как знать, постарайтесь отринуть скромность — она здесь не в ходу. Причем настолько, что можно получить непристойное предложение даже от того, кому по всем законам совести высказывать его не положено. Да, если вы еще не поняли, совести у ши-о-даннар нет. Это так, уточняю для контекста.

— Сверкающая, позволь разделить с тобой благодать, дарованную нам Праматерью.

Я бы задыхнулась от возмущения, но подобное поведение со стороны Эдерииона, да и любого другого Сотворенного, было вполне ожидаемым, а потому, чего возмущаться-то?

— Облезни, Эдер. Вы и без того поимели меня всем Советом. Рекомендую не испытывать судьбу и не лезть на рожон. Оставь подобные «заманчивые» предложения тем, кто не хочет открутить тебе башку.

Никакой злости, никакого раздражения, я была спокойна и безмятежно недоброжелательна.

— Морвейн...

— Я не желаю с тобой говорить Эдериион. Не хочу на тебя смотреть. Не хочу стоять рядом. И тем более не хочу, чтобы ты ко мне прикасался. Если по твоему мнению инцидент после гийясу-ренай нас примирил или, вот ведь бред, сблизил, то ты максимально далек от истины.

— Морвейн...

Я его проигнорировала. А Эдер, в свою очередь, не стал упорствовать.

Праздник продолжался. Не знаю от чего, но я чувствовала себя необыкновенно отстраненной. Будто вокруг разворачивался спектакль, а мне предназначалась не сцена, но ложа. Вокруг мелькали ши. Безупречные в своей красоте, изысканные в своих одеяниях и совершенно непривлекательные. Белый цвет нарядов начинал распадаться, расщепляться на свои составляющие. Каждый клочок материи переливался, блестел и пытался казаться тем, чем он не являлся. По-своему довольно занятное зрелище, которое могло бы навести на какие-нибудь умные мысли, но как следует подумать мне над этим не дали.

— Сверкающая, да озарит твоя благодать душу и тело недостойного.

Хотелось бы сказать «опять», да только мне хватило одного взгляда на обратившегося, чтобы расплыться в искренней счастливой улыбке.

— Тэмлин!

Он улыбался своей великолепной улыбкой, за которой женщины готовы были идти как крысы за мелодией флейты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.